

Олдридж Джеймс
УДИВИТЕЛЬНЫЙ МОНГОЛ

Джеймс Олдридж

Перевод с английского ОЛЕГА КАСИМОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Творчество Джеймса Олдриджа, выдающегося английского писателя, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», хорошо известно в нашей стране.

Его книги «Морской орел», «Дипломат», «Герои пустынных горизонтов», «Не хочу, чтобы он умирал» и многие другие посвящены острейшим проблемам современности.

Рос Олдридж, по его собственным словам, «как Том Сойер», — в странствиях, приключениях, на границе между городской цивилизацией и дикой природой. С детства он — охотник и рыболов. Враг поверхностного любительства, Джеймс Олдридж с полным правом, как натуралист-знаток, написал «охотничий» роман и специальную книгу о подводной охоте.

И вот теперь книга о лошади, которая известна в мире как лошадь Пржевальского.

Вся история, описанная в повести, почти невероятна. Из Монголии в Англию в научных целях отправили дикого коня, а «дичок» оттуда бежал и, проделав фантастический путь, вернулся в родные края.

Оправдание удивительного сюжета заключается, пожалуй, в том, что в современном мире лошадь, как таковая, почти фантастика. «Мама, а лошадь настоящая?» — спрашивают иной раз дети при виде ломового коня, который стал редкостью.

Воздушные лайнеры, океанские пароходы, комфортабельные «конные» автобусы или специально оборудованные фургоны доставляют лошадей к местам соревнований, преодолевая немыслимые расстояния ради того, чтобы конь, не коснувшись земли, попал прямо на призовую дорожку и проскакал свои два километра за две с половиной минуты.

Это спортивные скакуны, конская «аристократия». Жизнь лошадей, описанная в повести Олдриджа, совершенно не похожа на жизнь спортивных скакунов. Живут они в естественных условиях, на вольной природе. И хотя лошади эти не имеют ни пышных родословных, ни громких кличек, за ними ведется постоянное наблюдение ученых, они находятся на строгом учете.

Сохранение внешней среды — ныне широко осознаваемая

необходимость. Еще недавно, например, мустангов, обитающих в американских прериях, уничтожали на потребу целой индустрии по производству консервированного корма для домашних животных. Теперь мустанги охраняются законом.

Самый символический момент в повести «Удивительный монгол» — это когда танк, высланный по бездорожью на поиски пропавшего коня, удирает от этого коня, потому что в борьбе за свою свободу «удивительный монгол» может броситься на механического преследователя и ненароком поранить себя. Следовательно, мало только оберегать все живое, надо беречь и животный и растительный мир так, чтобы природа оставалась природой, со всеми своими особенностями.

Конечно, дело специалистов выяснить, почему не по вкусу пришлись дикому коню в повести «Удивительный монгол» идеальные английские лужайки и что заставило Таха (такова кличка «удивительного монгола») отправиться в нелегкий и долгий путь. Писателю важно показать отношение людей к лошади, к ее поведению, к тому яростному сопротивлению, которое оказывает Тах и людям, и машинам, и всем средствам техники, направленным на его преследование и поимку.

Позиция Джеймса Олдриджа — действенная, конструктивная человечность. По ее логике дикий конь, строптивый сын гор, предоставлен самому себе быть не может. В современных условиях это для него губительно. Уберечь, сохранить живую душу природы можно, лишь поняв все особенности и прихоти этой «души». В этом основная идея произведения.

Повесть разворачивается в переписке двух ребят, монгольского мальчика и девочки-англичанки. С разных концов земли следят они за приключениями своих любимцев — дикого коня и его подруги из породы английских пони.

Рассказ о похождениях двух лошадей — это еще и история воспитания двух детских характеров, ведь дело не только в животных, а и в том, как относятся к ним дети. Сострадание, ответственность и забота — эти чувства и мальчик и девочка испытывают с такой силой впервые.

Уверены, что новое произведение Джеймса Олдриджа «Удивительный монгол» не оставит читателя равнодушным.

В этом году писателю исполнилось шестьдесят лет. Его, как и раньше, волнуют неотложные проблемы современности, свидетельством чему является и эта книга.

Д. Урнов

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МОНГОЛ

1

Здравствуй, Китти Джемисон!

Я посылаю это письмо с твоим дедушкой, профессором Д. Д. Джемисоном, потому что он рассказал мне о тебе и твоей лошадке. Может быть, он тебе расскажет что-нибудь и обо мне, а если нет, то сообщаю, что я монгольский мальчик и зовут меня Барьют Минга. По-английски письмо пишет моя тетья Серогли, она преподает английский язык в институте иностранных языков. Я диктую ей по-монгольски, а она пишет по-английски и надеется, что делает не очень много ошибок.

Но рассказать я хочу не о себе, а о диком жеребце. Твой дедушка везет его из нашего края, чтобы поселить в заповеднике для диких животных в Уэльсе. Там, как говорит дедушка, у тебя есть маленькая лошадка, которая теперь станет спутницей нашего дикого горного жеребца. Я надеюсь, что твоя лошадка Мушка с ним подружится. Но если она такая ручная, как рассказывал дедушка, и повсюду ходит за тобой как собачка, боюсь, как бы их встреча не кончилась плохо, потому что дикий горный жеребец — самый злой из всех лошадей. Так считают у нас в семье, а у нас все в роду табунчики.

Я все расскажу тебе про него, и как его нашли, и как наконец поймали.

Известно, что монгольские дикие горные лошади — самые редкие в мире. Вообще-то ученые не верили, что эти лошади остались еще в самых далеких уголках нашей страны. В Европе наша редкая лошадь называется лошастью Пржевальского, по имени русского путешественника, которому удалось поймать ее здесь в 1881 году. А в Монголии ее зовут просто «тах», поэтому твой дедушка и назвал пойманного жеребца — Тах.

Когда-то наш народ охотился на диких лошадей, чтобы добыть шкуру и мясо. Но примерно пятьдесят лет тому назад ученые рассказали нам, что эти лошади очень важны для науки, и объяснили, что это особый вид доисторической лошади, жившей задолго до появления человека. Человеку никогда не удавалось приручить или одомашнить их, поэтому дикие лошади совсем не изменились. Они точно такие же, как на рисунках доисторического человека, найденных на стенах пещер во Франции. Когда мы узнали, насколько важны и редки наши дикие лошади, мы перестали

охотиться на них. Это случилось более сорока лет назад, но, к сожалению, этих лошадей осталось уже очень мало. В течение последних тридцати лет большинство наших и других ученых мира считали, что монгольская дикая лошадь вымерла. Они объездили всю нашу страну и не нашли ни одной. Единственные оставшиеся жили в зоопарках, но они уже не были настоящими дикими лошадьми.

Сам я никогда дикой лошади не видел. С тех пор как я самостоятельно стал пасти табун и ездить на Бэте (Бэт — это мой конь), я побывал и в долинах, и на холмах, но мне никогда не приходило в голову поискать диких лошадей, ведь я был уверен, что их не осталось. Но мой отец, мои дяди и мой дедушка рассказывали мне о диких табунах, которые бродили когда-то по нашим пастбищам, там, где предгорья переходят в равнины, или в горных ущельях, склоны которых такие крутые, что верхом не поднимешься.

И вот однажды, разыскивая двух наших заблудившихся лошадей, я заехал дальше обычного в пустынные горы, где так много глубоких каменистых ущелий и где никто не бывает. Вдруг я увидел двух странных, покрытых темно-рыжей шерстью лошадей. Их можно было принять за пони — они были такие же низкорослые. Обе лошади лежали около жеребенка, похоже, только что народившегося. Всех наших лошадей я знаю наперечет, поэтому сразу догадался, что эти две с жеребенком были чужие.

В монгольских степях учишься осторожности и терпению, когда приходится ловить лошадей, отбившихся от колхозных табунов, поэтому я спешил и стал наблюдать. Я заметил, что эти лошади другого цвета, выглядят иначе, а голова у них больше, гораздо больше, чем у наших лошадей.

Когда я стал все это обдумывать, понял неожиданно, что передо мной дикие лошади, настоящие дикие монгольские лошади, которых все считали уже вымершими.

Я лежал очень тихо и просто не верил своим глазам. Значит, поблизости должны быть еще такие же лошади, и я хотел посмотреть, куда пойдут эти две. Но Бэт неожиданно учуял их запах и стал очень беспокоиться, как будто боялся чего-то. Отец не раз говорил мне, что дикая лошадь может напасть и убить кого угодно, даже человека, если почует угрозу, и я понял, почему Бэт нервничал.

— Тихо, — сердито приказал я Бэту шепотом.

Но было уже поздно. Обе дикие лошади вмиг вскочили, заставляя и жеребенка встать на ноги.

— Тогда уходи, — строго сказал я Бэту и отпустил его.

Я знал, что Бэт все равно не уйдет далеко, а я хотел остаться и последить за дикими лошадьми, я все же надеялся, что они не убегут. Наверное, они поджидали жеребенка, но тот, поднявшись, наконец, на слабые ножки, снова опустился на землю.

Я лежал тихо-тихо. Лошади начали толкать жеребенка копытами и мордами, нервно оглядываясь. Потом одна из них издала негромкий звук (у нас это называется «шепот травы»), и я увидел, что к ним несется галопом молодой сердитый жеребец. Он остановился около кобылиц и стал смотреть в мою сторону. Потом он начал бить копытами, как бы говоря, что знает, где я. Даже находясь на таком расстоянии, он по-настоящему угрожал мне. А между тем кобылицам удалось заставить жеребенка подняться, и все вместе они медленно удалились.

Вот так я впервые увидел молодого дикого жеребца. Это и есть Тах.

Сначала я никому не хотел рассказывать о диких лошадях, даже отцу, сестренке Мизе или брату Инжу.

Трудно объяснить, почему я не хотел, чтобы хоть один человек знал об этом. Я боялся, что если скажу кому, даже сестренке, то посмотреть на диких лошадей приедут на самолетах и вертолетах ученые со всего мира, и это лошадей только напугает. Они убегут в ближайшую пустыню, где мы их не найдем никогда, и просто умрут там с голоду, как уже было много лет назад, когда эти лошади предпочли уйти в пустыню и погибнуть, только бы их не поймали.

Итак, я никому ничего не сказал. Возможно, в Англии думают о лошадях по-другому. А здесь, где живу я, люди зависят от лошадей. Мы кормим и растим их, пьем их молоко и делаем сыр, используем шкуры и едим мясо. Многие наши дома (мы их называем юртами, и они напоминают круглые палатки) покрыты лошадиными шкурами. Мы жили так на протяжении многих столетий, но теперь нас объединяют колхозы, у нас есть школы, и наша жизнь стала культурнее и счастливее. Но никто на свете не связан с лошадьми так, как мы. Так говорит моя тетя Серогли.

Ты, наверное, поймешь теперь, что хотя мы когда-то охотились и убивали диких лошадей, делали это только по необходимости. Что же касается наших табунов, то кочуем мы с ними круглый год по пастбищам, которые простираются на многие сотни километров. Для нас лошадь совсем не что-то такое, на чем мы катаемся ради собственного удовольствия или работаем, подобно американским ковбоям. Лошади для нас — часть жизни. Поэтому я знал, что должен последить за дикими лошадьми и убедиться, что с ними не случится ничего плохого.

На следующий день я снова вернулся в горы, оставил Бэта в небольшой

лощине, а сам вскарабкался наверх и заглянул в знакомое ущелье. «Повезло», — прошептал я себе.

Дикий табун вернулся, и теперь я увидел примерно двадцать пять лошадей.

Одни стояли между камней, другие лежали в траве. В табуне было четыре жеребенка. Таких смешных жеребят, я уверен, еще никто не видел. Своими большими головами и толстыми неуклюжими ногами они напоминали лошадей, которых изображают клоуны в цирке, когда один человек впереди, а другой сзади, и получают смешные ноги и большая неуклюжая голова.

Я начал искать молодого жеребца, но его среди лошадей не было. Тогда я осторожно посмотрел по сторонам и увидел его на противоположном склоне. Он потряхивал головой и размахивал хвостом, и поэтому я узнал его. Он был самый смелый и самый злой из всех молодых жеребцов в табуне, это было ясно сразу. Но он еще не стал хозяином табуна. Он был еще слишком молод для этого.

Мой дедушка рассказывал мне всякие истории о том, как молодые жеребцы сражаются и даже убивают друг друга, чтобы стать вожаком табуна. Самые жестокие схватки у них происходят из-за кобылиц. Но когда жеребец становится хозяином табуна, он должен смотреть за ним, храбро его защищать, следить, чтобы все держались вместе, и заставлять бежать от опасности. Но прежде всего ему надо сражаться и защищать свой табун. Я был уверен, что однажды этот дикий жеребец станет вожаком табуна, потому что он умен и храбр. Он единственный догадался, что я находился на другом склоне ущелья, и помчался вниз, пытаясь поднять других лошадей, подталкивая и подгоняя их, чтобы они убежали.

Но они не обращали на него внимания, а один из старых жеребцов даже обернулся и больно лягнул его своими задними копытами. Жеребцы всегда так поступают, когда дерутся или хотят наказать кого-нибудь.

Тах (я теперь буду его так называть) лягнул жеребца в ответ, но тот увернулся и укусил Таха за холку. Одна из кобыл с жеребенком тоже лягнула Таха, и поэтому я понял, что он еще не был вожаком и не завоевал уважения.

Но Тах был совершенно прав, когда хотел заставить табун убежать, он думал, что я могу быть для них опасен. Дикие лошади не стояли спокойно и вели себя совсем не так, как наши лошади, покусывали друг друга за гриву и круп, терлись друг о друга и брыкались. Мне так смешно было на них смотреть, что иногда я хватался за живот от смеха и катался по траве, чтобы громко не расхохотаться.

Той весной я следил за дикими лошадьми каждый день. Иногда они оставались в длинном ущелье, а иногда я уходил за ними дальше в горы, где они весь день лежали, скрываясь в траве. Видимо, паслись они преимущественно ночью, и, наверное, поэтому их так долго никто не видел.

Я заметил, что Тах не ложился. Он все сторожил, обходя табун и приюхиваясь к ветру. Однажды он собрал четырех кобылиц и погнал их глубже в тень от холмов. Но опять один из старых жеребцов сильно укусил его, на этот раз в спину, давая понять тем самым, чтобы Тах не лез не в свое дело.

В другой раз Тах снова учуял меня, хотя я был очень далеко, и снова пытался заставить табун убежать. Тут уж за него принялись сразу четыре жеребца. Минут пять продолжалась эта комедия, хотя и жестокая, потому что они все повернулись к Таху задом и начали его лягать, а он лягался в ответ, и все это было, как в цирке. Я думаю, они ждали, что Тах убежит, но, хотя лягали его безжалостно (они старались ударить по брюху, так бывает, когда лошади хотят убить друг друга), он не сдавался и увертывался от ударов как мог.

— Не поддавайся, — просил я его шепотом. — Ты совершенно прав! Я здесь, и вам надо спастись бегством!

Тах всегда был в меньшинстве, но это не останавливало его, и он упрямо старался увести лошадей от опасности.

Таким я и оставил его в горах и вернулся в школу. Я все еще не говорил никому про дикий табун, да и не собирался этого делать. Мне было очень жаль расставаться с Тахом и с табуном, я очень хотел посмотреть, не станет ли он вожаком. Или, вернее, как он станет вожаком.

Но школа важнее, чем пастбище, говорит мой отец. Последний раз я видел Таха, когда он дрался с одним из старых жеребцов, но не с вожаком. Они лягались и кусались, и мне было слышно, как они сталкивались и вскрикивали, хотя я был от них метрах в двухстах. Он выиграл эту схватку, потому что старый жеребец в конце концов убежал, после того как Тах стал бить его передними ногами, что вообще-то необычно. Но эта победа была, конечно, не окончательной, таких схваток будет еще много, и, может быть, более жестоких.

Моя тетя Серогли говорит, что уже устала писать, и поэтому я продолжу письмо после того, как она послушает по радио нашу монгольскую певицу Нороб Банзад, которая пользуется у нас большой популярностью. Может быть, ты слышала про нее, как я про Тома Джонса или битлов?

Вообще-то я уверен, что Тах не только знал, что я находился около

табуна, но ко времени моего отъезда уже относился к моему тайному присутствию совсем не враждебно. Поэтому-то я и испытываю к нему такую привязанность. Он был единственный во всем табуне умный конь, который заметил мое присутствие, и в конце той весны он привычно косился в моем направлении, скаля зубы и приветствуя меня «шепотом травы». А может, это было предупреждение, чтобы я держался подальше? Не знаю.

До свидания.

Твой новый друг

Барьют Минга.

2

Здравствуй, Китти Джемисон!

Я продолжу свой рассказ о том, как ловили Таха, который сейчас уже, наверное, с вами. Я уверен, что он тоскует о своей дикой жизни в наших горах и, должно быть, грустит из-за того, что его увезли так далеко от дома.

Я остановился на том, что должен был вернуться в школу, и ты, конечно, представляешь, что я все время думал о Тахе и беспокоился за него: и за дикий табун, о котором еще никто не знал. Я был уверен, что храню самый большой секрет в мире. Учительница говорила, что я хожу какой-то рассеянный, и была права — я все время думал только о лошадях в горах. Потом меня наказали за то, что я не выучил урок по истории, и моя тетя заставила меня извиниться перед учительницей за мою леность и сказала, что это несправедливо по отношению к учительнице, если я не интересуюсь предметом, который она преподает. Как я могу стать культурным человеком, если не буду знать историю!

Казалось, прошли годы, прежде чем настало лето. Когда я прилетел домой на вертолете, который привез в наш колхоз агрономов, отец сказал мне, чтобы я больше не гонял табун в горы, потому что лошади могут отбиться и потеряться или попасть в скрытые травой ловушки, которых много на склонах.

— Хорошо, отец, — сказал я. — Но можно мне съездить туда на Бэте поискать белохвостых орлов?

— Только когда табун будет в безопасности и в открытой степи, — разрешил он.

Я стал пригонять табун поближе к горам. Потом оставлял лошадей в открытом месте, а сам на Бэте спешил в длинное ущелье, отъезжая каждый

день все дальше и дальше, пока наконец я снова не нашел дикий табун. Лошади отдыхали на очень крутом травянистом склоне, и среди них я сразу же узнал Таха, потому что он ни минуты не стоял спокойно, тряс головой и размахивал хвостом. Он так же по-особенному поднимал голову, нюхая ветер, как охотничья собака.

В течение месяца я каждый день видел, как Тах пытался обратить на себя внимание некоторых лошадей и как более старые из них, даже кобылы, нападали на него. Но все равно Тах постепенно начал выигрывать схватки, и к середине лета с ним ходили уже три или четыре кобылицы, хотя он был еще слишком молод, чтобы стать их мужем.

Наконец в тот день, когда со мной произошел несчастный случай, в результате которого и был обнаружен дикий табун, я видел, как вожак табуна хотел раз и навсегда поставить Таха на место. Они оба мирно паслись недалеко друг от друга, когда к ним подошла молодая кобылица, игриво помахивая хвостом.

Вдруг старый жеребец с яростью набросился на нее, кусая за бока. Потом он накинулся на Таха, и не успел Тах понять, что происходит, как старый жеребец ухватил его зубами и неожиданным, сильным рывком повалил с ног. Это было очень опасно для Таха.

— Вставай! — крикнул я. Я прятался около небольшой пещеры, а Бэт позади меня жевал траву, которую я нарвал для него.

Тах пытался вскочить, но старый жеребец, кусаясь, сбивал его копытами каждый раз, как только он пытался подняться, и я слышал, как Тах выл от боли.

— Если ты не встанешь, он убьет тебя! — снова крикнул я.

Но старый жеребец стоял над Тахом и бил его передними ногами, а Тах пытался укунить его.

На это было страшно смотреть, потому что старый жеребец не давал ему подняться. Если ты знакома с лошадьми, Китти, то ты знаешь, как трудно им встать, когда они лежат на боку. Сначала им нужно стать на колени, иначе им не поднять своего тела. Но даже когда лошадь на коленях, ее легко снова повалить, и старый жеребец просто ждал, а потом, кусаясь и лягая, сбивал Таха, когда тот становился на колени.

Положение было безнадежным, и я знал, что Таху придет конец, если я чего-нибудь не придумаю. Тогда я вскочил и побежал вниз по крутому склону, крича изо всех сил: «У-у-у! У-у-у! У-у-у!»

Сначала они не обратили на меня никакого внимания, хотя весь остальной табун немедленно умчался. Потом меня заметил Тах, оскалил зубы и издал тонкий пронзительный крик — предупреждение об

опасности, хотя и лежал на земле. Но старый жеребец все еще не слышал и не видел меня, и я догадался, что хотя он очень сильный, злой и хитрый, но уже начал слепнуть и глохнуть и поэтому стал для табуна плохой защитой. Если он уже не может заметить опасность, табуну придется найти другого вожака, который бы смотрел за ним. Поэтому-то Тах и пытался взять руководство на себя.

Наконец старый жеребец заметил меня. Теперь я понимаю, что поступил глупо, ведь они оба могли напасть на меня, когда я достаточно приблизился, но я думал только о Тахе, которому теперь удалось подняться, потому что старый жеребец повернулся ко мне.

Не знаю, что случилось бы потом, но в этот момент я неожиданно свалился в глубокую яму, заросшую сверху высокой солоноватой травой. Обычно я бываю очень осторожен с такими ловушками и, если бы я не беспокоился за Таха, то не попал бы в нее. А упал я очень неудачно. Когда я пришел в себя, я лежал на спине, а надо мной была звездная темная монгольская ночь с ее мягким шуршанием, потрескиваниями, загадочными, едва слышными осторожными шорохами, какими-то попискиваниями и посвистываниями и так далее. А вокруг меня ничего, кроме высоких стенок глубокой ямы.

Я попробовал пошевелиться, но был так слаб, и у меня так болели голова и спина, что не мог ничего делать, кроме как лежать без движения. Я понял, что пробыл без сознания довольно долгое время, и вспомнил стихотворение английского поэта Р. Киплинга, которое мы учили в школе: «Коль ты не потеряешь головы, когда кругом все в панике мнутятся...»

Я пытался не потерять головы, хотя вокруг меня никто в панике не метался, и подумал, где может быть Бэт. Я надеялся, что он прибежал домой и все теперь ищут меня, но я так далеко забрался в горы, что найти меня будет совсем непросто, особенно на этом крутом склоне и в этой глубокой яме. Она была так глубока, что самому из нее никогда не выбраться.

— А если они найдут меня, то, конечно, обнаружат и дикий табун, — сказал я себе.

Это меня, конечно, огорчило, хотя я очень хотел, чтобы меня нашли.

Но здесь я вынужден прерваться, потому что моя тетя говорит, что у нее устали глаза и что скоро ей, наверное, придется носить очки, так как очень трудно долго писать при свете керосиновой лампы. Мы все еще находимся на летнем пастбище, а сюда электричество не привезешь, ведь верно? Но когда-нибудь электричество будет и здесь, я уверен. Поэтому я пока заканчиваю и о том, как поймали Таха, расскажу в следующем письме.

До свидания.
Твой новый друг
Барьют Минга.

3

Здравствуй, Китти!

Итак, я сидел в глубокой яме, размышляя, как бы выбраться. Спасла меня чистая случайность.

Наступил рассвет. От росы я промок и стал мерзнуть, к тому же почувствовал, что голоден. Я прождал целый день, ночь и следующий день, пока мой старший брат Инж наконец не нашел меня.

Его послали на поиски (отец и мои дяди искали в другом месте), и он ехал по следам лошадей весь день, не зная, чьи это лошади.

Сначала он думал что лошади из нашего табуна, и поэтому поехал по их следам. Но еще до того, как он нашел меня (а он знал, что я где-то в горах), он догадался, что в долине есть другие лошади. А раз другие — значит, дикие, сомнений тут не могло быть.

Потом Инж рассказывал, что разволновался и почти забыл про меня. Он, как и я, никогда не видел диких лошадей, но так же, как и я, знал, что границу своей территории они помечают навозом, и стал искать эту границу. Он медленно и осторожно пробирался по склону, когда неожиданно увидел облачка пыли от горстей земли, которые я бросал время от времени из своей ямы.

Я не буду рассказывать тебе о том горячем споре, который произошел между мной и братом из-за дикого табуна. Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал про табун. Но Инж старше меня и сказал, что мы должны сообщить правительству, чтобы табун взяли под охрану. Вообще-то он даже не видел табун, и никто, кроме меня, не видел. Когда мы вернулись к нашим юртам, он всем рассказал мой секрет, и все начали задавать мне вопросы. А мой отец очень рассердился на меня за то, что я так долго молчал. И хотя он сказал, что я был не прав, скрывая от всех табун, я думаю, он тоже не хотел, чтобы кто-нибудь спугнул его.

Если кто-нибудь заболит, доктора добираются на летние пастбища на вертолетах. Прилетел наш доктор, он сказал, что у меня сотрясение мозга и сильно растянуты мышцы спины, и поэтому нужно долго лежать.

И пока я лежал в постели, начали прибывать ученые. Я бы сказал, что их были сотни, но тетя Серогли говорит, что преувеличивают только

некультурные люди. Сначала приехали профессора из Улан-Батора, нашей столицы. Потом приехали несколько человек из Москвы, двое из Праги, из Чехословакии, один из Стокгольма и один из Гамбурга.

Конечно, они засыпали меня сотней вопросов. Как я нашел табун? Как себя вели лошади? Видели ли они меня? Выглядели ли они здоровыми? Сколько их было? Сколько жеребцов, жеребят и т. д. и т. д.

На все их вопросы я отвечал честно, но про молодого жеребца, которого ты теперь зовешь Тах, не сказал ничего. Я боялся, что, если я расскажу, какой он храбрый и умный, они специально займутся им.

— Вы отправитесь за дикими лошадьми в погоню и попытаетесь поймать их? — спрашивал я ученых.

— Нет, — отвечали они. — Конечно, нет. Мы приехали, чтобы защитить их. Это очень редкие животные. Мы хотим, чтобы весь табун выжил.

— И вы не заберете их в зоопарки?

— Конечно, нет. Мы хотим, чтобы они остались дикими. Мы просто хотим наблюдать за ними.

— Они очень испугаются, если кто-нибудь приблизится к ним, — предупредил я, — тогда они убегут еще дальше в горы, где у них не будет ни травы, ни воды. Или попытаются уйти в пустыню.

— Не волнуйся, — успокаивали ученые. — Мы их не испугаем.

Не думаю, чтобы они много знали о поведении лошадей в горах, будь то лошади дикие или домашние. Они знают, конечно, много, почти все. Но они не знают, что значит жить среди лошадей и ежедневно наблюдать их. Тетя говорит, что я буду полным невежей, если буду думать только о лошадях, но я хочу сказать, что нужно пожить среди лошадей, походить с табунами, узнать, что и как думают лошади, и только после этого можно понять, как чувствует или ведет себя лошадиный табун.

Поэтому, когда ученые поехали без меня, чтобы посмотреть на дикий табун, я надеялся, что они не найдут его. И они его не нашли!

— Не повезло, — сказал мой брат Инж, когда они вернулись после двухдневных бесплодных поисков. — Наверное, старый вожак очень хитер.

Я ничего не сказал, но знал, что хитер-то был Тах. Кое-кто из профессоров стал сомневаться в том, что я рассказал им, это и рассердило и обрадовало меня одновременно. Но наши монгольские ученые не хотели отступать. Они при помощи вертолета перебросили четырех всадников (моего отца и моих дядей) через горы, а вторая группа вела поиски с нашей стороны. Двум группам было не так уж трудно согласовать свои действия и найти табун. Тах увел его в очень запутанное ущелье, где они прятались днем, а ночью спокойно выходили на склоны пастись. (А знаешь ли ты, что

лошади, когда пасутся ночью, получают много воды, потому что трава вся мокрая от росы?)

Конечно, табун нашли. Мой брат Инж, когда все вернулись к юртам, рассказал мне, что профессора очень старались не спугнуть табун, наблюдали за ним осторожно.

— Там был один молодой жеребец, — рассказывал брат, — который пытался заставить табун бежать прямо на нас. Он, наверное, догадался, что это был единственный путь к спасению. Но остальные не хотели следовать за ним и носились взад и вперед. Лошади были очень напуганы, и профессора уехали, чтобы табун успокоился.

— А другие заметили его? Я имею в виду молодого жеребца, — спросил я Инжа.

— Если они понимают что-нибудь в лошадях, то заметили, — ответил брат.

Во всяком случае, теперь ученые знали, сколько в табуне жеребцов, кобыл и жеребят. Все были очень взволнованы. Было решено оставить у нас кого-нибудь, кто будет наблюдать за табуном или, вернее, следовать за ним, а мы будем помогать.

— Барьют, — сказал мне отец, — когда ты снова сможешь сесть в седло, твоей обязанностью будет сопровождать того, кого оставят с нами, и показывать ему самые удобные тропы в горах. И ты научишь его, как следить за табуном.

— Хорошо, отец, — ответил я.

Остался молодой монгольский зоолог по имени Грит, он только что окончил университет в Улан-Баторе.

Лето уже кончалось, когда я смог отправиться с ним в горы и показать ему, как прятаться и бесшумно ходить, как остерегаться ловушек и как спускаться на лошади вниз по склону. Я показал ему все, что умел. А он рассказал мне много научных фактов о диких лошадях. Вообще-то он знал о них, пожалуй, больше, чем я. Он рассказал мне их историю, историю всех лошадей во всем мире, рассказал и о нескольких диких лошадях, которые еще остались в различных зоопарках, и даже про случаи, когда дикий жеребец убивал домашнюю лошадь, если их держали вместе в одном помещении. Поэтому я надеюсь, что ваш заповедник для диких животных в Уэльсе достаточно просторен, а то Тах может, обидеть Мушку, твою маленькую лошадку.

Грит и я наблюдали за диким табуном осторожно, чтобы не спугнуть его. Но Таха я не показывал. Часто, когда Тах догадывался о нашем присутствии, он, покусывая и подталкивая, заставлял лошадей уходить, но

его слушались, если старый вожак разрешал табуну верить острому глазу, чутким ушам и тонкому обонянию Таха. Во всем остальном старый вожак был полным хозяином и все еще мог поставить Таха на место с помощью других жеребцов.

Вот таким я оставил табун, чтобы снова вернуться в школу, и не буду рассказывать тебе о том, что происходило в мое отсутствие, а просто скажу, что, когда я снова вернулся на пастбище во время каникул, там уже было пять профессоров, и все готовились к поимке четырех лошадей: двух жеребцов и двух кобыл.

Когда мы встретились с моим другом зоологом Гритом, я был очень сердит на него и сказал: «Ты обещал, ты клялся мне, что вы ни одну лошадь не возьмете».

— Боюсь, что нам придется- это сделать, Барьют, — грустно сказал он.

— Почему? Зачем?

— Мы хотим попробовать завести еще несколько диких табунов.

— Но ты говорил, что ни одну лошадь вы, не отправите в зоопарк. Ты же мне рассказывал, что у всех диких лошадей, которые жили в зоопарках, менялся характер, они становились совсем другими. Зачем же тогда ловить наших диких лошадей и отправлять их в зоопарки?

— Мы не отправляем их в зоопарки, — пояснил Грит. Он очень спокойный и терпеливый человек, монгол, а никогда не ездил верхом, пока не оказался у нас. (Представляешь, его отец шахтер!) — Мы посылаем каждую лошадь в особое место, где условия похожи на здешние, в заповедники для диких животных. Один из жеребцов поедет в русский заповедник на Аральском море (на самом деле это огромное озеро). Одна кобыла поедет в заповедник в Германию, а другая в Прагу. Последний жеребец будет жить в Англии, там есть прекрасный заповедник в Уэльсе.

— Но это значит, что каждая из этих лошадей будет одинока...

— Только вначале. Позднее мы пришлем им диких товарищей. Сейчас мы просто хотим расселить нескольких лошадей в заповедниках, чтобы посмотреть, как они приживутся. Мы постараемся, чтобы они росли настоящими дикими лошадьми, а не как в зоопарке. Так что видишь, Барьют, мы делаем для них все, что можем.

— Но их дом здесь, — настаивал я. — А лошади любят жить там, где их страна. И наши лошади такие. Они не хотят расставаться с домом и поэтому не могут покинуть наши горы, они будут страдать и даже могут умереть.

— Может быть, — согласился Грит. — Но, с другой стороны, это поможет сохранить дикую лошадь.

Я знал, что Грит и профессора делали все для того, чтобы дикие лошади выжили, и поэтому, я больше не спорил. Единственное, чего я боялся, — как бы среди других жеребцов они не поймали Таха. Вообще-то я даже был уверен, что его не поймают, потому что он очень умный. Все это верно, но было еще одно обстоятельство, которое я не учел, оно и явилось в конечном счете причиной поимки Таха.

Способ, при помощи которого они собирались поймать четырех диких лошадей, состоял в том, чтобы загнать их в одно из узких ущелий и там усыпить пулями со снотворным. Сначала мой отец предложил, чтобы наши табунщики поймали этих лошадей ерком, как мы обычно ловим наших лошадей. Ёрк — это веревочная петля, прикрепленная к концу длинного шеста. Сидя верхом, догоняешь нужную лошадь и накидываешь ей петлю на шею. Этому мы учимся с раннего детства.

Но профессора все-таки считали, что пули со снотворным будут безопаснее, надежнее и быстрее и к тому же не очень напугают других лошадей. А чтобы загнать табун в тупик, понадобится около двадцати наших табунщиков.

Наконец мы отправились. Два моих дяди с ружьями, заряженными снотворными пулями, и с нами еще четыре профессора.

Мы знали, что дикий табун находился в небольшом ущелье, рядом с одной из самых длинных и широких долин. Это ущелье, просторное там, где оно сходилось с долиной, постепенно сужалось и заканчивалось высокой каменной стеной. Превосходная природная ловушка. Единственное, что требовалось от нас — преградить диким лошадям выход в долину, где они могут легко скрыться.

— Ты знаешь самый лучший путь в этих горах, — сказал мне отец. — Поэтому отправляйся с первой группой, Барьют. Но ты должен слушаться дядю Рэфа, понял?

— Понял, — ответил я.

— Попытайся помочь им, — добавил отец тихо, — не то они могут напугать табун или загнать его до изнеможения. Я думаю, наши табунщики как следует не понимают еще, какой вред можно принести, если сильно напугать табун.

— Я понял, отец, — сказал я. Но в этот момент я больше думал о Тахе, чем обо всем табуне.

— Им нужны самые лучшие молодые жеребцы и кобылы. Так что ты помоги выбрать.

Я не ответил: «Да, папа», потому что сердцем знал, что я никогда не стану ловить Таха.

В долину мы приехали ночью, и я надеялся, что дальше поедem лишь рано утром, чтобы застигнуть дикий табун врасплох, но Грит сказал, что мы подождem до полудня.

— В это время они как раз все будут отдыхать, — со своим всегдашним спокойствием пояснил он, — после того, как паслись всю ночь.

Мы ехали небольшими группами. Я ехал вместе с Гритом и дядей Рэфом, который должен был стрелять снотворными пулями по двум жеребцам. Другой мой дядя должен был выпустить свои пули по двум молодым кобылам. Грит должен был указать дяде Рэфу, в каких жеребцов стрелять.

— А что будет, когда снотворная пуля попадет в лошадь? — спросил я Грита, когда мы ехали, по долине, направляясь к нужному нам ущелью. Я уже начал беспокоиться за Таха.

— Через несколько секунд лошадь упадет, — ответил Грит.

— А это больно?

— Нисколько.

— А что же делает пуля?

— Она усыпит лошадь примерно на два часа. Не волнуйся, Барьют. Мы же не собираемcя принести вред тому, что мы хотим защитить и сохранить.

— Ладно, — согласился я неохотно. — Но мне это не нравится.

Из-за того, что мы двигались очень осторожно, нам пришлось добираться до ущелья довольно долго. В первой группе нас было десять, а остальные ехали на некотором расстоянии позади, чтобы выстроить своего рода заслон, загораживающий выход в долину. Но Тах уже или услышал, или учуял нас, и, когда мы увидели табун, дикие лошади уже уходили вверх по ущелью.

— Нам придется ехать по более высокому склону, чтобы оказаться выше их, — сказал мне дядя Рэф.

Я знал, что это будет нелегко, и, хотя мы ехали всю вторую половину дня, но догнали табун только под самый вечер и преградили ему выход из ущелья.

— Смотри, вон Тах, — шепнул я в правое ухо Бэту, моему коню.

Тах нервной рысью кружил вокруг табуна, как пастушья собака, сбивая его в кучу, сердито потряхивая головой и размахивая хвостом.

— Нам придется подъехать ближе, — сказал Грит. — Снотворные пули летят не дальше ста метров.

— Сто метров] — воскликнул я. — Да мы никогда к ним так близко не подберемcя!

— Придется, — ответил Грит.

Дикий табун теперь бежал рысью, выстроившись шеренгой (дикие лошади обычно бегут гуськом), жеребята и кобылы в середине, а жеребцы то и дело перебегая из конца в конец, Тах же носился вокруг всего табуна. Они уходили все глубже и глубже в ущелье, и теперь мы надеялись, что сумеем приблизиться к ним, когда они достигнут конца ущелья и окажутся в тупике.

— Потише, — скомандовал дядя Рэф, и мы, придержав лошадей, перешли на осторожный шаг.

Бэт очень нервничал, потому что всегда боялся диких лошадей, я подумал, какую же громадную ошибку сделал Тах, заведя табун в эту ловушку. Табун был уже в пятистах метрах впереди нас, и мы осторожно приближались. Мы знали, теперь это вопрос времени, и ловушка захлопнется. Но вдруг цепочка лошадей скрылась за изгибом ущелья.

Сначала мы не беспокоились, так как были уверены, что выхода из ущелья нет, но, проехав изгиб, вдруг обнаружили, что табун исчез. Более того, мы убедились, что ущелье вело не в тупик, а к узкому проходу, который нельзя было обнаружить, не подъехав вплотную.

— Перехитрили они нас, — сказал мой Дядя.

Он был удивлен, а я ликовал.

— Они недалеко, — заметил Грит. — Поехали.

Мы поскакали галопом, но, когда миновали узкий проход и снова увидели табун, он уже мчался по расширяющейся долине.

— Какого стрелять первого? — прокричал мой дядя, когда мы понеслись во весь опор в погоню за табуном.

— Любого из молодых жеребцов! Выбирай любого! — крикнул Грит.

Дикий табун мчался галопом. Впереди были молодые жеребцы, в середине кобылы и жеребята, а старые жеребцы бежали последними. Тах подгонял табун, кусая отстающих и даже подталкивая их сзади. Но, несмотря на то, что табун опередил нас и кругом стояла пыль, поднятая копытами диких лошадей, мы постепенно догоняли их, потому что жеребята еще не могли бежать достаточно быстро.

Вдруг один жеребенок, наверное, самый слабый, начал отставать, его мать хотела вернуться к нему, мы слышали, как она ржаньем звала его. Но Тах не разрешил ей покинуть табун. Он подбежал к ней и сильно лягнул, заставляя бежать. Потом он вернулся к жеребенку и начал толкать его мордой. Но жеребенок, сделав несколько шагов, споткнулся и упал. Тах не оставил его и нетерпеливо ждал, когда жеребенок встанет. Не дождавшись, он стал толкать его, пытаясь поднять на ноги. Жеребенок слишком устал, он спотыкался и снова падал. Тогда Тах схватил жеребенка зубами за холку,

приподнял, встряхнул, даже бросил его вперед — такого я еще никогда не видел у лошадей. Жеребенок, казалось, приободрился немного, но через несколько шагов упал опять и уже не мог подняться.

В этот момент между нами и табуном было уже метров триста, и вдруг, вместо того, чтобы бежать, Тах повернулся и, пригнув голову, помчался на нас. Он нападал, давая остальным время скрыться. И эта отвага погубила его. Мой дядя остановил коня и, подпустив Таха достаточно близко, прицелился и выстрелил.

Когда в него попала снотворная пуля, Тах вздрогнул, но не остановился. Я думал, что он собьет с ног дядину лошадь или прокусит ей шею, но, не добежав каких-нибудь двадцать метров до нас, Тах вдруг упал, подогнув передние ноги, и затих.

— Не останавливайтесь, — прокричал Грит дяде Рэфу. Пораженные нападением Таха, мы не заметили, что дикий табун уходил. — Мы должны поймать еще одного!

Они все помчались за табуном, а я остался. Соскочив с Бэта, я бросился к Таху.

— Вставай же! Ну давай! — крикнул я, держась, однако, на приличном расстоянии.

Он лежал в пыли, тяжело и хрипло дыша, глаза дикие, и пытался встать, скребя землю задними ногами. Он даже щелкнул на меня зубами, и я отскочил подальше.

— Скорее! — закричал я ему сердито. — Ты еще можешь удрать!

Он старался изо всех сил, но задние ноги плохо слушались. Чтобы разозлить или напугать, я бросил в него комок земли. Тах поднял голову, сделал еще одну попытку подняться, но вдруг шея его ослабла, ноги замерли, глаза закрылись, и он потерял сознание.

Моя тетя говорит, что пора кончать, иначе ты подумаешь, что мы здесь ничего не делаем, а только пишем длинные грустные письма про наших лошадей. Но я совсем не хотел, чтобы это письмо получилось грустным. Я пишу его для того, чтобы ты поняла, какая смелая и необычная лошадь скоро будет жить в ваших лугах и какого дикого и опасного приятеля поручит твоя Мушка.

Всех четырех лошадей, пойманных в тот день, связали и увезли на вертолете, а за табуном установили постоянное наблюдение. Так я потерял всякий след Таха. Я не знал, где он был и что с ним, пока к нам не приехал твой дедушка и не сказал, что молодой жеребец, о котором я так беспокоился, поедет с ним в Уэльс.

Уже прошло два месяца, как поймали Таха. Все это время пойманных

лошадей, чтобы они немного успокоились после своего пленения, держали на свободе, на огороженном участке недалеко от нашей столицы Улан-Батора.

Когда наши ученые решили, что лошадей можно отправлять, они сообщили твоему дедушке, что он может забрать обещанного ему жеребца. Он сначала побывал в Улан-Баторе, а потом навестил нас.

— Я подумал, что, пожалуй, есть смысл расспросить тебя обо всем, — сказал мне твой дедушка, — что тебе известно о повадках диких лошадей, живущих в ваших горах.

Это было очень здорово. Я тогда понял, что Тах попал в хорошие руки. Мы поехали с твоим дедушкой в горы, чтобы он увидел, к какой природе привыкли дикие лошади. Он задавал мне тысячу вопросов, потому что ему рассказали, как я в течение многих месяцев следил за диким табуном.

Я хотел расспросить его, как он собирается сохранить Таха, какие у вас луга, горы и климат, но моя тетя (она переводила нашу беседу) сказала, что это будет невежливо.

Но твой дедушка рассказал мне о тебе, Китти, и о твоей милой Мушке. Поэтому, если у тебя найдется свободное время, напиши мне, пожалуйста, и расскажи о ваших лугах, о том, какая у вас природа, бывает ли у вас снег, не убежит ли Тах, много ли людей живет в вашей местности, что ты собираешься делать, когда привезут Таха и т. д. и т. п. А прежде всего расскажи о твоей лошадке, которая теперь станет подружкой Таха.

Мне, правда, удалось задать твоему дедушке один вопрос:

— Ваша маленькая кобылка Мушка дикая или прирученная?

Твой дедушка засмеялся и ответил:

— Мушка такая ручная, что повсюду ходит за Китти как собачонка.

Вот откуда я узнал, что твоя лошадка ручная, и это беспокоит меня.

— Мушка совсем домашняя, — продолжал твой дедушка, — и поэтому мы надеемся, что она сможет уговорить Таха остаться в нашем заповеднике, пока ему не пришлют кобылку из дикого табуна.

— Но Тах такой дикий, — возразил я, — что нигде по собственной воле не останется. И потом, он может обидеть вашу лошадку.

Но твой дедушка рассмеялся над моими страхами:

— Я думаю, что у Мушки хватит очарования, чтобы заставить его остаться. И он не обидит ее.

Я надеюсь, что Тах не обидит ее. Нам всем очень понравился твой дедушка. По нашему мнению, он своими седыми волосами, колючей бородой и смеющимися глазами похож на доброго седого бурого медведя.

Теперь заканчиваю и снова прошу, если будет время, написать мне о

себе, ваших уэльских лугах, твоей маленькой Мушке и прежде всего о том, что произойдет, когда придет Тах. Ты можешь писать по-английски, а моя тетя Серогли мне переведет. (На этот раз она поехала с нами в горы.)

Итак, до твоего письма, с дружеским приветом.

Твой искренний друг

Барьют Минга.

P. S. Я послал тебе с твоим дедушкой нашу зимнюю монгольскую шапку. Он сказал, что тебе она понравится. Надеюсь, она тебе пойдет. Осторожнее, если у вас есть собаки. Тах убьет любую собаку, если она к нему приблизится. Поэтому держи своего песика подальше. И все же я очень беспокоюсь за твою милую добрую лошадку.

Твой друг

Барьют.

4

Здравствуй, Барьют!

Мне было очень приятно получить такие замечательные и длинные письма, а последнее было настолько интересным, что я просто не могла от него оторваться. Я должна была помогать миссис Эванс перебирать фасоль, но отобрала всего две фасолины и очистила одну картофелину, так что миссис Эванс пришлось забрать у меня письмо до тех пор, пока не закончили ужин. У меня даже пропал аппетит, так я разволновалась из-за Таха. Но миссис Эванс заставила меня съесть все: фасоль, картошку, пудинг и вымыть посуду. Только после этого она отдала мне письмо, заставив прежде сесть как следует и читать спокойно. Таким образом я, дескать, получу больше удовольствия.

Но боюсь, что я не очень спокойный человек. По крайней мере, это мне постоянно твердят миссис Эванс и дедушка, хотя лично я считаю себя очень спокойной. Чтобы ответить на все твои вопросы, мне потребуется, наверное, сто лет. Сейчас могу сказать точно только одно: Тах еще не приехал. Его держат в карантине, проверяют, нет ли у него каких-нибудь заразных болезней. Я, между прочим, тоже беспокоюсь за Мушку, хотя дедушка смеется, когда я говорю об этом.

Но одно я могу обещать тебе, Барьют, — мы сделаем все, чтобы Тах чувствовал себя здесь как дома, хоть его горы и долины далеко. Здесь, конечно, все немного скучнее и проще по сравнению с вашими горами. Поэтому боюсь, что, когда буду рассказывать тебе о нашем доме и нашем

заповеднике, ты не услышишь ничего о лошадиных поединках и отчаянных погонях в горах.

Я живу в заповеднике с дедушкой и дедушкиной экономкой миссис Эванс.

Моя мама умерла четыре года тому назад. А мой папа — геолог, и ему приходится работать в таких странах, как Персия или Кувейт (там умерла моя мама). Он должен вернуться в будущем году, а до тех пор я буду жить у дедушки. Он профессор зоологии и заведует национальным заповедником для диких животных. Это совсем новый заповедник, специально созданный для тех зверей, которым угрожает вымирание, но пока у нас еще не очень много животных.

Наш заповедник расположен в Черных Горах, занимает большое пространство, покрытое холмами и пастбищами. Вокруг нет ни городов, ни деревень и даже настоящих дорог, за исключением одной, которая ведет к нашему дому. Цель заповедника — дать животным возможность вести привычную дикую жизнь, и поэтому в заповеднике нет загонов и оград. Есть только один электрический забор, в двадцати милях от нас, чтобы животные не выходили на главную дорогу. Мы со всех сторон окружены реками. Одна из них течет по другую сторону гор, и поэтому все горы и пастбища будут в распоряжении одного Таха, если не считать нескольких диких козлов, оленей, барсуков, бобров и других небольших зверей. Вот и все, что пока у нас есть.

Наш каменный дом находится в самом центре заповедника, и в дедушкином кабинете сделаны большие окна для наблюдения со множеством подзорных труб и кинокамер. Моя школа в Крикхоуэле, в двадцати милях от дома. Каждое утро дедушке приходится отвозить меня за десять миль к главной дороге, где я сажусь на автобус. Когда дедушки нет, меня отвозит на своем грузовике мистер Джонс, почтальон. Иногда, в метель, я вообще не хожу в школу. Но у нас не так дико, как в ваших горах, Барьют, хотя люди считают, что мы живем в глуши. Они часто спрашивают: «Тебе не одиноко, Китти? Ты ведь там совсем одна».

Но мне нравится здесь, и я никогда, никогда не уеду отсюда.

Дедушка и миссис Эванс очень добры ко мне, и мне кажется, что они балуют меня, хотя думают, что обходятся со мной очень строго. И они все время ссорятся. Но это не со зла ссоры, просто они так привыкли.

— Эта женщина сведет меня в могилу, — всегда ворчит дедушка, когда миссис Эванс ругает его за что-нибудь.

— У него нет никакого понятия, что хорошо, что плохо, — говорит миссис Эванс, когда ее в чем-нибудь обвиняет дедушка.

Потом они начинают говорить друг другу: «Чушь» — это их любимое слово, когда они спорят. Я люблю их обоих, а мистер Джонс, почтальон, говорит, что ни один из них не сможет жить без меня. Поэтому, хотя они стараются быть со мной строгими и пытаются утихомирить меня (почему, так и не пойму), я знаю, что это просто забота обо мне.

А вообще я чувствую, что мне нужно заботиться о них. Мой дедушка очень неаккуратный. Когда он кончает работать с книгой, картой, картотекой или фотографиями, он просто бросает их где попало — на полу, на стуле, на столе или на лестнице. Мне постоянно приходится все подбирать за ним и прибирать его кабинет, хотя дедушка и ворчит на меня, когда застаёт за этим.

Что же касается миссис Эванс, то она плохо видит. Даже очень плохо. Она видит очень небольшое пространство прямо перед собой через очень толстые очки, и поэтому мне приходится следить, чтобы стулья, столы (даже дедушкины книги) не попадались ей на пути и она не споткнулась бы о них. Мне приходится следить также, чтобы все на кухне было там, где она сможет увидеть, — ножи, тарелки, кастрюли и вязанье. Если что-нибудь окажется не на месте, она никогда не найдет. Думаю, у нее перед глазами как будто пленка, потому что она всегда ходит с метелкой для пыли и словно чистит перед собой воздух, как грязное окошко.

Как видишь, мне повезло. А пишу я про все это, чтобы ты знал, в какой дом приедет Тах.

Самая серьезная проблема, конечно, это моя любимица Мушка и то, как она подружится с Тахом. Я бы могла сказать, что за нее я не беспокоюсь, но это будет неправдой. Мушка такая ручная, доверчивая и ласковая, что я не могу себе представить, что произойдет, если она окажется рядом с таким диким жеребцом, как Тах. Просто не могу себе представить.

Когда дедушка впервые привел Мушку домой примерно год тому назад, он сказал мне, что когда-нибудь она может стать женой дикой азиатской лошади, которую он надеялся достать в Монголии. Но Мушка уже была такой доброй и ласковой, что я спросила дедушку, почему он хочет, чтобы такая нежная маленькая лошадка стала женой дикого жеребца.

— Потому что нам нужно будет убедить дикого жеребца в том, что мы его друзья, что он может доверять нам. Что мы не только не будем угрожать ему, а, наоборот, помогать. С лошастью ведь на словах не договоришься, не так ли? Что может быть лучше, чтобы приучить его к нашим горам, чем дать ему добрую и умную подругу, которая привязана к нам и сама будет к нам подходить, не бросится в бегство, если мы появимся вблизи на склоне холма, когда они будут вместе.

— Откуда ты знаешь, что в Монголии найдут дикую лошадь, если считается, что они исчезли? — спросила я (это было год назад).

— Потому что я убежден, что рано или поздно дикий табун будет найден, а мои друзья из Академии наук Монголии обещали мне одну лошадь, если найдут табун, в котором будет более двадцати лошадей.

— А что будет потом? Мушка навсегда останется с диким конем?

— Нет. Только до тех пор, пока дикарь не научится доверять нам. Тогда мы привезем ему из Монголии дикую подругу, и ты получишь свою Мушку обратно.

— Но она такая ручная! — повторяла я ему.

— Тем лучше, — ответил дедушка. — Поэтому ты можешь делать все, что хочешь, Китти, чтобы она больше привыкла, но только не пускай ее в дом и не ездь на ней.

Вот так год назад у нас появилась Мушка.

Сначала я пыталась оставлять Мушку дома, когда ходила гулять в горы, и брала с собой только Скипа. Слип — скай-терьер, и никогда не ходит просто, даже в доме. Он подскакивает и подпрыгивает, как маленький мячик, из одного места в другое. Но однажды Мушка пошла за нами, и я решила подразнить ее и спряталась, чтобы она подумала, что потерялась. Ей так понравилась игра, что это вошло в привычку. Теперь Мушка и я все время так играем, даже дома. Мы все время поддразниваем друг друга. А поскольку она терпеть не может в чем-нибудь не участвовать, то все время пытается проникнуть в дом. Она делает все, чтобы войти, и даже сердится и недовольно ржет, когда я закрываю дверь перед ее носом.

Вообще-то я со страхом думаю, что, если ей удастся когда-нибудь пробраться в дом, а миссис Эванс ее вовремя не заметит, то произойдет беда. А если Мушка попадет в дедушкин кабинет, она, наверное, съест все его карты, письма и бумаги. Она обожает есть бумагу. Поэтому мне стоит больших усилий не пускать ее в комнаты, хотя лично я считаю, что она просто уляжется перед камином, как собака, или свернется, как кошка, на коврик.

Вчера миссис Эванс вошла к дедушке в кабинет с мокрыми занавесками в руках и сказала:

— Посмотрите, что сделала ваша лошадь с этими занавесками! Она начисто отъела весь низ!

Дедушка посмотрел на занавески без всякого интереса к ним:

— Я думаю, что она хотела залезть в окно. А вы чего ожидаете от нее?

— Она хотела досадить мне, — возразила миссис Эванс. — Она знает, что я не пушу ее в дом, и поэтому делает все, чтобы отплатить за это. На

днях она уже почти проникла на кухню, но я выставила ее. Тогда она схватила зубами коврик и убежала с ним к реке.

Дедушка рассмеялся:

— Ей нравится ваша компания, только и всего.

— Скорее всего ей нравится шкодноичать, — возразила миссис Эванс. — Вы балуете девочку, а она балует лошадь.

— Это вы балуете их обеих, — рассердился дедушка. И как всегда, они начали твердить друг другу: «Чушь».

Даже если я не присутствую при этом, я всегда знаю, что они скажут друг другу, ведь миссис Эванс всегда говорит мне, что сказала дедушке, а дедушка рассказывает, что ответил миссис Эванс.

Но я, кажется, заболталась, пора уже кончать. И миссис Эванс и дедушка твердят мне, что я болтушка, но ведь должна же я была рассказать тебе про Мушку и про наш заповедник, чтобы ты не очень волновался за Таха.

Я очень надеюсь, что тетя Серогли сможет разобрать мой почерк и у нее будет время перевести все тебе.

Я с нетерпением жду, когда появится Тах, хотя и очень беспокоюсь, как он обойдется с Мушкой. Я просто жду не дождусь посмотреть, что же будет, когда они встретятся. Дедушка говорит, что я должна наконец понять, что они лошади, а не люди. Он советует мне не сентиментальничать и не глупить по этому поводу. Я пытаюсь, но это довольно трудно сделать, особенно если любить Мушку, как я.

Пока до свидания. Обещаю написать, как только Тах приедет.

Твой новый друг

Китти Джемисон.

P. S. Монгольская шапка — чудо. Здесь никто ничего подобного даже и не видел. Жду не дождусь зимы, чтобы надеть ее в школу. Мне надо бы придумать что-нибудь особенное и послать тебе в ответ, но ничего не могу придумать такого, чтобы хоть наполовину сравнялось с твоим подарком.

Кити

5

Здравствуй, Барьют!

Тах здесь!

Он прибыл в пятницу в стойле-фургоне из карантина в Беркшире. Когда грузовик с фургоном на буксире подъехал, ветеринар спросил дедушку, не

хочет ли он, чтобы Таха выпустили около дома или же где-нибудь в горах.

Дедушка ответил:

— Выпускайте его здесь. Пусть сначала увидит это место и нас.

Я не знала, чего ожидать. И хотя Мушка стояла позади меня, толкая мордой в спину, а Скип был заперт в доме, чтобы не лаял, мне все казалось необычным. Даже еще не видя Таха, я волновалась. И знаешь, по-моему, Мушка догадывалась, что там, в стойле, что-то загадочное и дикое и это относится к ней. Она все время пыталась просунуть голову под мою руку и толкала меня в спину, как будто хотела, чтобы я ушла и взяла ее с собой.

— Ш-ш-ш, Мушка, — сердито шепнула я.

Даже не знаю, почему я заговорила шепотом, но я слышала, как в стойле сердито дышал Тах, как будто чуял опасность. Он фыркал, бил копытом, лягался.

— Отойди, Китти, — попросил дедушка и велел ветеринару открыть задний борт.

В тот момент, когда ветеринар стал открывать задвижку, Мушка начала пятиться, а потом повернулась и убежала к другой стороне дома.

Дедушка засмеялся и сказал:

— Она еще передумает.

Потом задний борт открылся, и, пока Тах появлялся дюйм за дюймом, я поняла, что вижу совершенно незнакомое и очень дикое животное, и, сделав гримасу, сказала: «Но он же уродец!» Я не ожидала увидеть лошадь, которая была бы такой коренастой и сильной, такой косматой и пятнистой, причем часть меха слиняла (на шерсть это было непохоже). Совершенно необычная грива, она торчала, как зубная щетка. Но самой удивительной была огромная голова. Жеребец действительно походил на тех доисторических лошадей, рисунки которых дедушка развесил по стенам в своем кабинете.

А бакенбарды! Я еще никогда не видела лошадь с бакенбардами.

— Ну разве не красавец! — воскликнул дедушка, когда Тах вышел.

— Страшилище, — ответила я невольно. — Он как бешеный. — Я вправду напугалась.

А дедушка смеялся.

— Ты еще передумает, — сказал он. И мне кажется, Тах заставил меня начать передумывать в тот самый момент, когда застыл, глядя на нас, нагнув голову, как будто готовясь напасть. И потому, что выглядел он таким злым и страшным, я вдруг вспомнила все то, что ты писал про него, каким он был храбрым, непоколебимым и непобедимым, когда вы его преследовали. И теперь мне было все равно, красив он или нет.

Но дедушке я сказала:

— Он никогда не будет здесь счастлив, дедушка. Он слишком дикий и слишком другой. Он никогда не приживется!

— Посмотрим, — ответил дедушка. В этот момент Тах напряг мышцы, как большой кот, будто собирался прыгнуть. Но вместо этого он изо всех сил помчался галопом в луга. Он скакал, как бы стараясь распластаться по земле вместе со своими странными толстыми короткими ногами. И вскоре исчез в долине. Но и дальше, по-моему, он скакал и скакал.

— Великолепно, — сияя, воскликнул дедушка. — Удивительно! Что за лошадь! Превосходно!

Я оглянулась, ища Мушку, но она в ужасе спряталась за дом. Дедушка хлопнул себя по коленкам и счастливо засмеялся в свою колючую бороду.

— Ну, а теперь подождем, что сообщит нам Питер, — сказал он. — Я свяжусь с его Вороньим гнездом и скажу, чтобы он теперь последил за диким жеребцом.

Воронье гнездо — это сделанный из стекла наблюдательный пункт, находящийся на самой высокой горе заповедника. На его площадку так трудно взбираться, что дедушка не разрешает мне лазить туда.

Питер — дедушкин помощник — должен находиться там летом и зимой, наблюдая за животными. Оттуда видно на многие мили кругом. На будущий год собираются поставить на Вороньем гнезде телевизионные камеры, и мы сможем видеть все, что происходит, прямо из дедушкиного кабинета. Дедушка теперь слишком стар, чтобы добираться туда без помощи вертолета.

Мы пошли в дом, чтобы связаться с Питером по радио при помощи специального передатчика, и, когда я проходила мимо Мушки, она впервые убежала от нас, как будто мы ей сделали что-то плохое.

— Уже срabатывает, — заметил дедушка.

— Что срabатывает?

— Сейчас она встревожена. Но Мушка уже понимает, что происходит. Она поняла...

Я не спросила, что же такое поняла Мушка, но, во всяком случае, начало положено.

Мне почему-то казалось, что они никогда не будут вместе. Мушка никогда не уйдет с пастбищ вблизи дома, а Тах никогда не подойдет к дому. Я даже была уверена, что он уже ищет способ убежать.

Но дедушка сказал: «Терпение, милая» — и попросил Питера по радио немедленно сообщить нам, как только он увидит Таха.

— Что, по-вашему, станет делать дикая лошадь? — прозвучал голос

Питера в динамике.

— Честно говоря, не знаю, — ответил дедушка. — Вообще-то ничего особенного. Найдет какое-нибудь укромное местечко и пока не будет высовывать оттуда носа.

Тах как раз так и поступил. На следующее утро, когда мы завтракали, Питер срочно вызвал нас из Вороньего гнезда. (Питер — небольшого роста и очень любит танцевать. А поскольку он все время там один, то все время танцует. Танцует шотландские и, современные танцы, даже «русскую» и «венгерку», и все сам с собой.)

— Профессор, я сейчас вижу дикого коня. Он снует повсюду, ищет выхода или разыскивает свой табун.

— Прекрасно, — ответил дедушка. — Постарайся не потерять его из виду.

После этого, в разное время дня и ночи, Питер сообщал о том, что делал Тах. Питер всегда был взволнован. Присутствие Таха вызывает какое-то странное волнение, как-будто ждешь, что произойдет что-то необычное или ужасно дикое. Я все время чувствую это, и дедушка тоже.

— Ему, бедному, здесь, наверное, очень одиноко, — как-то сказала я дедушке.

— Верно, — ответил он. — Тах — стадное животное, поэтому он скучает по своему табуну. Мы заставим его почувствовать себя еще более одиноким, прежде чем пошлем к нему Мушку.

Я ничего не ответила, потому что была уверена, что Мушка никогда не останется с Тахом и даже никогда не подойдет к нему.

Питер следил за ним целую неделю, и после того, как Тах совершенно измотал себя, носясь что было мочи по всему заповеднику, он в один прекрасный день решил остаться в небольшой долине, в которой росла какая-то соленая трава, была песчаная почва и немного воды.

— За ним так интересно наблюдать, — рассказывал нам Питер по радио. — Он все время сердито трясет головой, и размахивает хвостом, и все осматривает холмы, как будто ищет чего-то. Он гоняется за всеми, кто попадется, особенно за лошадьми, овцами и птицами. Вчера я видел, как он погнал горного козла и помчался за ним в горы. Он даже гонял грачей, и они разлетались, как будто их преследовал сам дьявол. Удивительная лошадь, профессор! Непостижимая! Он выбрал себе долину, где придется попотеть, если захотите поймать его.

— Хорошо, — решительно сказал однажды утром дедушка, выслушав очередной, полный восторга отчет Питера. — Мы доставим ему Мушку сегодня после обеда. — Потом дедушка засмеялся своим обычным

дразнящим смехом, хлопнул себя по коленям и сказал: — Я бы отдал руку на отсечение, посмотреть только, что произойдет, когда они наконец столкнутся нос к носу. Думаю, Мушка одержит верх.

— Но Тах может поранить ее.

— Ну, только не на воле, — ответил дедушка. — Такое бывает лишь в зоопарках.

— А ты хочешь просто выпустить Мушку и оставить ее там?

— Да. Время пришло, милая, — ответил дедушка со вздохом.

— Но это жестоко, — возразила я с жаром. И вдруг дедушка стал очень серьезным.,

— Нет, не жестоко. Животные — не люди, Китти. Я буду повторять это, пока ты не поймешь. В конце концов, Мушке будет лучше, если она будет вести себя, как лошадь, а не как собачонка. Вот увидишь.

Я была ужасно растерянна, когда мы погрузили Мушку в фургон и отправились на грузовике в Тирионскую долину, где находился Тах. Мушке все происходящее не нравилось. Мы еле-еле поймали ее и с трудом завели в фургон, а когда тронулись, то она очень сердито заржала. Даже миссис Эванс, которая всегда жаловалась на Мушку, стояла в дверях, покачивая головой, как будто мы затеяли что-то ужасное.

Дедушка поглядел на карту и решил, что, если он оставит Мушку дальше той долины, где был Тах, ей придется пройти через его новые владения, когда она будет искать дорогу домой.

— Она должна попасть в долину Таха, как раз когда стемнеет, — сказал дедушка. — Поэтому Тах не будет бояться и спокойно выйдет, чтобы в темноте взглянуть на свою гостью.

— Мушка умрет со страху, — воскликнула я чуть не со слезами, когда мы достигли небольшого леска, где должны были оставить ее.

— Чепуха, — ответил дедушка. — Мушке будет так же любопытно, как и Таху, поверь мне.

— Но он же дикий зверь, — протестовала я.

— Не думаю, что это слишком беспокоит Мушку, — сказал дедушка со смешком, который так рассердил меня, что ему пришлось погладить меня по голове и сказать: — Ну, ну, успокойся.

— Он убьет ее! — пробормотала я и расплакалась. Мы уже вывели Мушку из фургона и собирались уезжать. Она стояла и смотрела на нас как на чудовищ, и я сама себе казалась чудовищем, которое причиняет ей зло.

Я редела в свою шляпку, когда мы ехали. Мушка бежала за нами до тех пор, пока мы не прибавили скорость и она не отстала. Тогда она остановилась и стояла, печально смотря нам вслед, пока мы не уехали.

— Она заблудится, — сказала я, захлебываясь слезами.

— Чепуха, — успокоил меня дедушка. — Лошадь быстрее найдет дорогу домой, чем собака. Можешь оставить Мушку хоть в Шотландии, она все равно найдет дорогу домой.

Но мне было безразлично, что говорил дедушка, и, хотя я понимала, что веду себя глупо и поддаюсь настроению, я продолжала ставить себя на место Мушки и думать, как бы я чувствовала себя, если бы меня оставили в горах один на один с диким азиатским жеребцом.

Вот и все, что я могу написать тебе сегодня, Барьют. Я очень устала. Пишу сидя в постели, уже первый час ночи, но я не могу спать. Я все думаю о Мушке, о том, как она пытается найти в горах дорогу домой. Сейчас страшная гроза, молнии освещают холмы и поля, грохочет гром и льются потоки воды. Гром гремит такой, как будто раскалывается земля. Я пока кончаю, потому что хочется зарыться с головой в одеяло, чтобы не слышать этого ужасного грома и не видеть молний.

Пишу несколько дней спустя!

После того как мы оставили Мушку в горах, я, честно говоря, уже не ожидала увидеть ее в живых. Но на следующую ночь, около двух часов, меня разбудил шум за окном. Это Мушка пыталась просунуть морду в комнату. Она ржала и подняла ужасный шум, даже Скип зарычал под кроватью.

— Мушка! — закричала я. — Ты вернулась!

Она смотрела на меня так, как будто хотела сказать: «Конечно, вернулась. Но сначала скажи, почему ты меня там оставила?»

Я вылезла в окно, обняла ее и при свете, падавшем из комнаты, тщательно ее осмотрела, не ранена ли она. Потом босиком я отвела ее в стойло, шикнув на Скипа, который все пытался ухватить Мушку за ногу. Устроив ее в конюшенке, я залезла обратно через окно и крепко проспала до тех пор, пока нужно было идти в школу.

Конечно, дедушка сказал: «А что я тебе говорил?»

Но я заметила, что он тоже внимательно осмотрел Мушку и дал ей кусок сахара, чего мне никогда не разрешал делать.

Мушка была в порядке, и я отправилась в школу в хорошем настроении. Но когда вечером вернулась домой, оказалось, что Мушки нет.

— Она опять в долине, — сказал дедушка.

Я расстроилась и плохо приготовила урок по географии, за что мне и попало. На следующий вечер Мушка не вернулась, и миссис Эванс принесла мне чашку горячего какао и прошептала:

— Ты можешь оставить Скипа у себя на ночь, если хочешь.

Скип спит у меня под кроватью каждую ночь, но миссис Эванс этого не знает, поэтому я ответила шепотом: «Большое спасибо», поцеловала ее и почувствовала себя лучше.

На этот раз Мушка вернулась через две ночи и два дня. Выглядела она ужасно. Ее покрывала грязь, и дедушка показал на небольшую царапину на ее боку, как будто кто-то сорвал зубами кусочек ее шерсти.

— На нее напал Тах, — сказала я. — Это укус.

— Чепуха, — ответил дедушка. — Это просто дружеская трепка. — Он вызвал по радио Питера. — В следующий раз, Питер, ты, может быть, заметишь их вместе. Направь свой бинокль в долину.

— О'кэй, профессор, — отозвался Питер.

— Ты измучаешь ее, если будешь все время отсылать обратно, — запротестовала я, когда дедушка сказал, что снова отвезет Мушку в горы.

— Она всегда может прилечь и отдохнуть, — возразил дедушка. — Может быть, Тах воспользуется случаем и познакомится с ней.

Дедушка мне прямо надоел тем, что все время поддразнивал меня. Он не разрешал мне никакой нежности по отношению к Мушке.

Короче говоря, мы отвезли Мушку на другую сторону долины пять раз за пять недель, и пять раз она возвращалась. Но последние два раза она отсутствовала четыре дня и в ней появилось что-то странное. По субботам и воскресеньям, когда мы давали ей немного отдохнуть, она по-прежнему повсюду ходила за мной, но больше не пыталась попасть в дом, а однажды так далеко ушла от дома, как будто собиралась вернуться в горы сама.

— Срабатывает, — сказал довольный дедушка, когда мы следили за ней через окно.

— Она никогда нас не покинет, — сердито заговорила я.

— Она может и не уйти очень далеко, пока она здесь, вблизи дома, — признал дедушка. — Но кто знает, что будет, когда она снова пойдет через ту долину?

В следующий понедельник, когда он снова увез ее, я больше не беспокоилась за ее безопасность, но чувствовала себя несчастной, зная, что теряю Мушку. Да, я знала это.

На этот раз она не вернулась. Прошло четыре дня, пять дней, неделя, а потом однажды в семь часов утра мы услышали из динамика голос Питера, который кричал возбужденно, что ясно видит их обоих в долине.

— Дикий конь водит ее по долине, а она следует за ним на почтительном расстоянии. Он похож на маленького короля, знакомящего свою невесту с ее новыми владениями.

— Отлично, — ответил дедушка, который сейчас походил на доброго

медведя. — Записывай все, что они делают, Питер, особенно куда направляются, если можешь определить.

— Я абсолютно уверен, что Тах осматривается, чтобы знать, далеко ли можно уйти. Он может перебраться через реку?

— Нет. Они всегда боялись воды.

— Я думаю, он пытается найти выход. Он обходит весь участок.

— Естественно, но мне кажется, Мушка заставит его передумать.

Именно этого-то мы и ждали: сможет ли Мушка убедить Таха остаться. Как раз это она и должна была сделать.

В ту ночь я потихоньку плакала, когда думала о прежней Мушке, которую я знала, и о новой, послушно следующей в горах за диким жеребцом. Я не хотела расстраиваться, но ничего не могла поделать и продолжала твердить себе, что Мушка никогда не станет прежней.

Скип прыгнул на кровать и несколько раз лизнул меня в лицо (он любит соленое, а слезы ведь очень соленые), но я продолжала плакать, пока не пришел дедушка. Он погладил меня по голове и сказал ворчливо:

— Ну, хватит, хватит. Это ведь не ты там, в горах, а шетландский пони, пони привыкли к вересковым зарослям, и для нашей Мушки это привычная обстановка.

Но мне все равно казалось, что я там с ней, и мне это было не по душе. Если бы я не была такой усталой, возможно, я бы не начала снова плакать. А тут еще пришла миссис Эванс и стала обвинять дедушку в том, что он был слишком жесток по отношению к бедной лошадке. Дедушка на это ответил «чушь», и они опять заспорили. Потом я заснула, и Скип заснул у меня в ногах, а они все еще спорили на кухне.

Итак, мы ждали.

Сначала Мушка держалась далеко от дома, и Питер сообщал, что обе лошади совершают переходы по горам и в долине, как будто ищут чего-то. Они все время спешили, и поэтому Мушке приходилось порой бежать рысью, чтобы не отстать. Иногда Питер не видел их целыми днями, но они всегда возвращались в «штаб-квартиру» Таха в Тирионской долине. Потом Питер стал вновь говорить, что Тах намерен бежать.

— Этого дикого жеребца ничто не остановит, профессор, даже Мушка. Он намерен вырваться.

— Посмотрим, — отвечал дедушка.

Прошла целая неделя, Питер их совсем не видел, и даже дедушка начал волноваться. Иногда я поднималась на небольшую гору недалеко от дома и, разыскивая их, оглядывала окрестности. Но они просто исчезли.

Вдруг однажды около двух часов ночи под моей кроватью залаял Скип,

как будто его кто-то напугал. Я проснулась и велела ему замолчать, но в этот момент мне показалось, что за окном что-то мелькнуло. Я встала, чтобы посмотреть. Это была Мушка. И хотя я шикнула на Скипа и сказала: «Это же Мушка вернулась», — он продолжал лаять, и мне пришлось вылезти в окно и посмотреть, в чем дело.

Мушка была вся в грязи и очень взволнована, даже не давала дотронуться. Потом Скип убежал с лаем в темноту, и это разбудило дедушку. Он вышел на крыльцо с фонарем и спросил, что я делаю на холоде в халате и босиком.,

— Это Мушка... — ответила я.

— Действительно, это она. Интересно, что заставило ее вернуться?

— Ей стало одиноко, — уверенно заявила я.

— Чепуха, Китти, — ответил дедушка и захотел подойти к Мушке, но та отпрянула от него. — Поймай-ка ее, она что-то нервничает, — сказал он.

— Мушка стала какой-то другой, — сказала я, осторожно приблизившись к ней. И хотя она разрешила мне ухватиться за гриву, но все время пыталась вырваться. — Мушка, — спросила я сердито. — В чем дело?

Я подвела ее к дедушке, и он осветил фонарем. Мушка казалась полудикой. Прежде аккуратная, она выглядела грубой и взъерошенной, была покрыта грязью и колючками.

— Что-то произошло, — сказал дедушка, осматривая ее. — Гляди, — и он направил фонарь на ее грудь, как раз под шеей.

Я увидела глубокую отметину, сильный порез, проходящий тонкой линией через грудь.

— Тах опять напал на нее, — рассердилась я.

— Нет, нет. Это след провода, — сказал дедушка. — Она, должно быть, наткнулась на забор.

— Ты имеешь в виду электрический забор?

— Именно.

— Ее, наверное, обожгло!

— Чепуха, — ответил дедушка нетерпеливо. — Ее могло только слегка тряхнуть. Но чтобы получить такую отметину, она должна была налететь на проволоку на всем скаку.

— Это влияние Таха, — сказала я сердито. Скип все еще лаял в темноте.

— Тах, очевидно, где-то здесь, — сказал дедушка. — И недалеко. Ты лучше позови Скипа, потому что если Тах доберется до него... В самом деле, отведи собаку домой.

Я побежала за Скипом. Он прижал уши, отчего казался одновременно и смелым, и струсившим, но не переставал лаять на что-то невидимое. Я подхватила его на руки, приказав замолчать, но он все ворчал.

— И ты тоже лучше уйди домой, — сказал дедушка. — Неизвестно, как может поступить дикий конь. Ему, наверное, не нравится, что Мушка пришла сюда. Ты все же уйди.

— А как же Мушка?

— Я промою ей рану и отпущу.

Я полезла обратно через окно, но дедушка остановил меня: «Господи боже, что ты делаешь! Сейчас же слезь и войди через кухню». Я пошла к кухонной двери, и Мушка тоже пошла за мной и толкнула меня слегка мордой. Тут я поняла, что с ней случилось что-то неприятное, и она просит, чтобы ее пожалели. Но как только я обняла ее за шею, она вырвалась и отошла.

— Похоже, она сама не знает, чего хочет, — сказала я грустно.

— Наверное, ей хочется, чтобы рядом были вы оба — и ты, и Тах, — ответил дедушка. — Может быть, все идет как раз хорошо. Мы побеждаем.

Но я почему-то чувствовала, Барьют, что терплю поражение. Дедушка промыл рану, а потом мы погасили свет и следили за Мушкой через окно в моей комнате. Она постояла немного, подошла к окну, а затем, будто приняв решение, повернулась и убежала.

По-моему, это был последний раз, когда Мушка приходила к дому, хотя я думаю, она часто пыталась привести с собой Таха и познакомить его с нами.

Однажды утром, когда мы уже собрались ехать в школу, дедушка вдруг позвал меня в кабинет: «Китти, смотри!»

Я бросилась к большому окну в его кабинете, и дедушка указал на горы, расположенные на другой стороне долины. Тах и Мушка поднимались вверх по крутому склону. Они остановились около большого камня, Тах сердито тряс головой, точно так, как ты рассказывал, и, казалось, принюхивался к ветру, дующему от нас.

Вдруг Мушка повернулась и как будто направилась к дому.

— Теперь посмотрим, — сказал дедушка.

Мы увидели, что Тах тоже повернулся и последовал за Мушкой. Догнав, он сильно толкнул ее мордой. Она минуту поколебалась, но потом пошла за ним.

— Он укусил ее, — сказала я.

— Ничего подобного, — возразил дедушка. — Просто слегка куснул.

— Она хотела спуститься к нам!

— Конечно. И настанет день, когда она приведет его ближе. Она уже привела его в нашу долину. Значит, он понемногу приживается у нас.

Но я до конца не поверила этому, Барьют, и Питер не верил. Он сообщил из Вороньего гнезда, что Тах хромает, как будто тоже ударился обо что-то, о забор например.

— По-моему, он пытался сбить забор, — сказал Питер. — И собьет.

— Не смей меня, — ответил дедушка. Но тем не менее он послал мистера Сэлби (одного из лесников, который живет около дороги) проверить весь забор.

Я заканчиваю это письмо и надеюсь, что ты не придешь от него в растерянность. Сама я растерянна, так как не знаю, кто же побеждает, Мушка или Тах.

Во всяком случае, мы все ждем, как будто знаем, что Тах постарается совершить что-то необычное. Что-то должно случиться. Мы это чувствуем! Хотя и не можем представить, что же будет. Мы просто ждем.

У нас уже шел снег, и я беспокоюсь, что же будет делать Мушка без своей конюшни, сена и теплой попоны, которой мы ее иногда накрывали.

Пожалуйста, напиши, если сможешь. Мне очень хочется узнать, что происходит с дикими лошадьми в отсутствие Таха, и беспокоишься ли ты по-прежнему о нем.

Черкни строчку (если тетя Серогли не очень занята).

Сердечный привет твоим родным.

Твой обеспокоенный английский друг

Китти Джемисон.

6

Здравствуй, Китти!

Я, конечно, получил все твои очень интересные письма, но тетя Серогли была в Свердловске, и поэтому прочесть их и написать ответ было некому. Я хотел дать их своей учительнице английского языка, но мама сказала, что это было бы невежливо по отношению к тебе, и поэтому я ждал, когда вернется тетя Серогли.

Теперь она уже приехала и шлет тебе свой привет и спрашивает твоего разрешения прочесть некоторые твои письма ее студентам. Она была бы очень благодарна, потому что это помогло бы нашей молодежи узнать о том, как вы живете на своем острове.

А теперь о Тахе и Мушке. Все, что ты мне рассказала, удивило меня,

потому что я думал, что Тах будет жить в маленьком английском парке (о каких мы читали), где нет ни пастбищ, ни долин. Но Грит (помнишь молодого зоолога?) сказал, что одна из причин, почему вы получили Таха, это ваш замечательный заповедник и схожесть природы, хотя климат и разный. Поэтому я не очень беспокоюсь за Таха. Но ты все хорошо описала, и я представляю его, ждущего, когда же подвернется случай, чтобы удрать.

Но куда он пойдет, Китти, если убежит? Вот что меня беспокоит. Я посмотрел карту вашей маленькой страны. У вас же повсюду тысячи дорог и деревень. Если Таху действительно удастся убежать, ему, боюсь, будет угрожать опасность на дорогах, его могут задавить. Или какой-нибудь фермер застрелит его как опасное животное. Единственно, что он наверняка не сможет сделать, так это переплыть реку. Как правильно сказал твой дедушка, наши дикие лошади боятся большой воды.

Табун, после того как уехал Тах, совсем уже не тот. Тах так хорошо защищал его от врагов, что без него лошади стали очень беспечны. Но теперь, конечно, табун в безопасности. А если предстоящая зима будет не очень суровой, то все будет в порядке. Монгольское правительство объявило наши горы заповедником для диких лошадей, а на следующий год им помогут перезимовать, построят в горах убежища от ветра и снега, чтобы табун мог кормиться, если зима будет очень суровой.

Что же касается меня, то мои дела в школе идут гораздо лучше, и тетя говорит, что я перестал отвлекаться с тех пор, как увезли Таха. Но я часто не сплю по ночам, думаю о нем и о том, как ему живется так далеко от дома. Как и ты, я пытаюсь представить себя на его месте и знаю, что был бы очень несчастлив без наших зеленых лугов и гор. Он, наверное, очень хочет вернуться домой.

Я напишу еще, когда тетя Серогли вернется из Улан-Батора, откуда она собирается отправить это письмо.

Передай наилучшие пожелания от всей нашей семьи твоему замечательному дедушке и миссис Эванс. Мама заставляет тетю Серогли снова и снова перечитывать те места в твоих письмах, где говорится о миссис Эванс, качает головой и вздыхает, потому что хорошо знает, каково приходится миссис Эванс. Скипу тоже привет.

Твой далекий друг

Барьют, ученик 6-го класса.

P. S. Моя тетя говорит, что пошлет тебе очень простую грамматику нашего языка, написанную по-английски. Я теперь собираюсь очень серьезно учить английский и не успокоюсь до тех пор, пока не смогу сам

читать твои письма и отвечать на них. Посылаю свою фотографию, сделанную в прошлом году, — это я сижу на новом мотоцикле брата. Я пока еще не умею ездить, но уже знаю, как это делается. Слева моя сестра Миза, она очень напугана, потому что думает, что я действительно собираюсь поехать.

Барьют.

7

Дорогой Барьют!

Это письмо будет очень, очень грустным, поэтому, пожалуйста, приготовься. Еще до того, как ты прочтешь хотя бы слово из него, я должна извиниться за все, о чем пишу.

Ты, наверное, догадался, что случилось. Тах ушел и увел с собой Мушку. Я не написала тебе об этом сразу, потому что никто из нас не поверил в это, даже Питер, который всегда твердил, что это произойдет. Но случилось именно так!

Я лучше начну с самого начала, иначе все перепутаю и закапаю слезами. Помнишь, я писала тебе о том, как Мушка пыталась привести Таха к дому, и мы надеялись, что это добрый знак? В течение десяти дней после этого ни мы, ни Питер не видели их и уже начали волноваться, когда вдруг они появились на вершине горы, где живет Питер в своем Вороньем гнезде. Он заметил их в ясный день, когда горы были покрыты снегом. И не поверил своим глазам.

— Не понимаю, как они могли забраться так высоко, — сказал он по радио. — Просто невероятно.

— Есть ли там какая-нибудь трава? — спросил дедушка, как будто это его совсем не удивило.

— Не могу сказать, — ответил Питер. — Но думает ли этот сумасшедший конь о том, что он здесь делает?

— Кто знает, — отозвался дедушка. — Но каков, а?!

Но я продолжала беспокоиться о Мушке и сказала: «Бедная Мушка! Тах заставляет ее следовать за собой. Он угрожает ей...»

Дедушка просто вышел из себя: «Сколько раз я тебе говорил! Не вкладывай чужие мозги в лошадиную голову!»

Питер следил за ними, пока они снова не исчезли, и мы опять начали тревожиться, потому что стало ужасно холодно, поднялся ветер, а дождь был просто ледяной, казалось, его капли прожигали на лице кожу насквозь.

— Видимость ноль, — говорил дедушка каждое утро.

Мы не ожидали увидеть Таха или Мушку, пока стояла такая погода. Питер в своем Вороньем гнезде говорил, что живет (танцует, наверное) в собственном маленьком заоблачном мире, потому что Воронье гнездо находилось выше дождевых туч, среди голубого неба, а мы жили внизу, в печальной серой и мокрой долине.

Через несколько недель прояснилось, и мы снова начали разыскивать Таха и Мушку. Дедушка сказал, что Тах, очевидно, учит Мушку пастись по ночам, а днем прятаться. Так обычно поступают дикие лошади. Даже лесники не могли найти их, но однажды мистер Сэлби сообщил, что он как-то видел Таха и Мушку, которые лежали в небольшой впадине на склоне холма, укрываясь от ветра. Когда они заметили мистера Сэлби, то немедленно вскочили и ускакали.

Мы снова успокоились и даже начали привыкать к их исчезновениям. Мы теперь определенно знали, что они днем прячутся, а пасутся ночью. Поэтому, когда не видели их следующие две недели, то не беспокоились. Но прошла еще одна неделя, они не появлялись, и тут уж мы действительно начали волноваться.

Но что мы могли поделать?

Теперь-то дедушка ругает себя за то, что недооценил характер Таха и его настойчивость. Или за то, что мы слишком долго ждали и не вызвали военные вертолеты раньше. Лесники пешком обошли все закоулки заповедника, а мистер Сэлби на своей лошади объехал все долины. Питер все осмотрел в свой мощный бинокль (который почти такой величины, как табуретка) и в подзорные трубы и даже, насколько возможно, прошел по горам. Дедушка и я осмотрели все уголки в нашем секторе, и даже миссис Эванс иногда входила в кабинет и пыталась смотреть в большой бинокль.

— Если бы у вас хватило соображения, вы бы разложили сена вокруг дома, — сказала миссис Эванс дедушке. — Лошадка бы и пришла домой.

Дедушка сердито фыркнул, и они опять принялись спорить. Они действительно были очень расстроены, да к тому же мое глупое грустное лицо тоже их огорчало, хотя при них я старалась выглядеть не очень мрачной.

Во всяком случае, не было никакого признака наших двух лошадей, и дедушка наконец позвонил на вертолетную спасательную станцию королевской авиации в Ньюпорте и попросил помощи. Вообще-то мы не любим, когда вертолеты летают над заповедником, потому что они пугают животных, но иногда, в плохую погоду, мы обращаемся к ним за помощью, чтобы доставить сено диким козлам.

Нам послали два вертолета, но сказали, что только на два дня. Один из летчиков спросил, не хотела бы я полетать с ними.

— Конечно, — обрадовалась я и, пока они не передумали, вскарабкалась по крутой лесенке в машину. Взлетели. У меня было такое чувство, что я на летающей тарелке. И что какой-то гигант крутит эту тарелку над своей головой. Мы опускались в долины и поднимались над горами, а дедушка и остальные рассматривали землю в бинокли.

После двух дней поисков мы убедились, что Таха и Мушки в заповеднике нет. На второй день мистер Сэлби сообщил, что он нашел дыру в проволочном заборе далеко в горах на восточном краю заповедника. Уже почти стемнело, и все устали, но дедушка упрямил пилота одного из вертолетов отвезти нас на это место. Меньше чем через полчаса мы были как раз там, где электрический проволочный забор сходил со старой крепкой каменной стеной, оставшейся от древней шахты (когда-то тут была кельтская шахта, где добывали золото).

— Не забор сломан, а стена, — показал мистер Сэлби.

Там, где кончался проволочный забор и начиналась высокая каменная стена, зияло отверстие. Если бы ты, Барьют, видел эту стену, ты бы, наверное, не понял, как такую дыру можно сделать даже бульдозером.

Большие камни были разбросаны повсюду, а некоторые валялись на другой стороне, ярдах в двадцати. Дыра была не очень большая, как раз такая, чтобы лошадь могла пролезть, но невозможно было представить, как невысокий Тах смог проделать такую дыру.

— Невероятно, — воскликнул дедушка. — Он, должно быть, молотил здесь в течение многих дней. Он долбил и долбил, и одним небесам известно как долго.

Мы посмотрели на те камни, которые лежали на другой стороне, и заметили, что некоторые были в крови.

— Он, наверное, в куски копыта разбил, — сказал мистер Сэлби.

— Наверное, — грустно согласился дедушка.

К этому времени совсем стемнело, и было бесполезно продолжать поиски. Вертолет отвез нас домой, и дедушка начал хлопотать, чтобы выделили вертолеты еще на один день, обыскать холмы по другую сторону забора. Ему пришлось звонить всяким важным людям; наконец согласились дать вертолет только на утро, и все.

— По крайней мере, у нас будет хоть какой-то шанс, — сказал дедушка.

Я не верила, что это поможет, так как знала, что Тах не будет терять время около заповедника.

— Он уже, наверное, далеко, — ответила я дедушке.

— И куда идет? — спросил он раздраженно. — Куда, по-твоему, он направляется?

— Не знаю, — сказала я. — Но если он действительно хочет убежать, дедушка, он не остановится ни перед чем.

— Пожалуй, ты права, — задумчиво согласился дедушка. — Хотя Мушка может и задержать его немного.

С половины шестого утра до половины второго дня мы обыскивали с воздуха все окружающие холмы и фермы и, хотя видели много горных пони и лошадей, без труда убеждались, что Таха и Мушки среди них нет.

Тах уже сменил свою летнюю рыжую шерсть на густой коричнево-красный зимний мех, но оставался таким же необычным, так что его ни с кем нельзя было спутать.

Когда мы летели домой в то воскресенье, то были очень огорчены, и даже Питер (которого мы прихватили с собой, а потом высадили у Вороньего гнезда) сказал, что теперь, без Таха, снующего по заповеднику в поисках чего-то, жизнь будет не совсем прежней.

— Не беспокойся, — успокаивал дедушка. — Он еще объявится.

Я так не думаю. Но должна признаться, что я все-таки не очень спокойный человек и, что дедушка и миссис Эванс правы в отношении меня. И все же я сердито сказала дедушке о своей уверенности в том, что мы их не найдем.

В тот вечер дедушка пришел ко мне в спальню и прочел отрывок из книги «Дикая лошадь Азии», в котором говорилось, что дикая лошадь по кличке Торнадо была обнаружена на расстоянии ста двадцати километров от Пражского зоопарка, откуда она сбежала.

— И это случилось не в такой населенной стране, как наша, — сказал дедушка, — где беглецов обнаруживают очень быстро.

Я понимала, что он старается утешить меня, но я также знала, что он утешал и себя. На следующий день (в понедельник), когда я была в школе, он стал обзванивать все местные полицейские участки и всех живших поблизости фермеров. Наконец он связался с начальниками полиции всех графств, объяснил, что произошло, и просил полицию обратить внимание на двух лошадей. Он также позвонил во все другие организации: ассоциации по изучению диких животных, туристские клубы, организации сельскохозяйственных рабочих и фермеров. Он разговаривал по телефону весь день и, когда ложился ночью спать, я думаю; был уверен, что расставил огромную сеть по всем соседним графствам и что рано или поздно обе лошади будут обнаружены. Это было ровно двадцать три дня тому назад, Барьют, но до сих пор никто ничего не сообщил. Это

невероятно. Тах и Мушка просто исчезли с лица земли, и каждый раз, когда я говорю это даже себе, то начинаю реветь. Все противные потеки, которые ты видишь на этой странице, результат потери контроля над собой. Но я не могу удержаться, даже если это и глупо.

Но больше всего мне жалко дедушку, потому что он не только лишился своего самого ценного животного (которого ждал с тех пор, как переехал в заповедник), но еще и потому, что страшно расстроен тем, что «утратил этого редкого и замечательного зверя, которого мне доверили мои друзья, монгольские ученые. А я был глуп. Глуп!».

Когда я прошу его не огорчаться так, он отвечает: «Я недооценил характер этой лошади и ее намерения. Хотя и сейчас я хотел бы знать, каковы же эти намерения, О чем он думает, делая все это?»

Итак, они оба ушли, Барьют, и я не знаю, кого мне больше не хватает. Мы даже не знаем, где еще искать. Однажды дедушка пришел в такое состояние, что сел в наш грузовичок и отправился разъезжать по всему Глостерширу и даже доехал до Беркшира, расспрашивая фермеров и жителей деревень, не видели ли они наших двух лошадей.

Не провалились ли они в какую-нибудь заброшенную шахту? Может быть, утонули в реке? Или даже в море? Не убил ли их какой-нибудь фермер? А может быть, их задавила машина? Или их поймали? (Невозможно, Тах не дастся!) Или заблудились? (Где?) Или их ранили? Или они больны? Вот все, что я могу сообщить тебе. И еще то, что мы не теряем надежды. Мы знаем, что Тах упрямый и решительный конь. Но буду кончать, а то опять заплачу. Прошу извинить меня за все, Барьют, надеюсь, ты понимаешь, как нам грустно.

Твой очень грустный английский друг
Китти Джемисон.

P. S. Я напишу немедленно, если мы что-нибудь узнаем. У меня не хватает смелости послать тебе свою фотографию, так как я думаю, что теперь ты не захочешь ее иметь.

Китти

8

Здравствуй, Китти!

Пожалуйста, не разрешай своему дедушке винить себя в исчезновении Таха, потому что Тах, раз он решил, все равно бы убежал, несмотря ни на какие ваши предосторожности. Такова его дикая природа. Так, пожалуйста,

и скажи дедушке.

Уверен, Тах не допустит, чтобы с твоей милой Мушкой случилось что-нибудь плохое. Лошади ужасно верны друг другу, когда они подружатся, и Тах будет драться со всеми, кто будет угрожать Мушке, хотя моя тетя говорит, что он не может бороться с погодой, автомобилями и несчастными случаями, не так ли? Не думаю, чтобы он погиб. Он слишком умен, чтобы умереть.

Успокойся и, пожалуйста, пришли мне свои фотографии. Мне бы очень хотелось иметь их.

Твой сочувствующий друг
Барьют.

P. S. Моя тетя нашла несколько книг вашего известного уэльского писателя Гвина Томаса на русском языке, которые будет мне читать.

9

Здравствуй, Барьют!

Я не писала тебе, хотя твое последнее письмо получила давным-давно (три месяца и двадцать два дня назад). Я просто не решалась писать, когда нечего было сообщить.

Но теперь есть новости, хотя я толком не знаю, что они означают. Во всяком случае, после многих недель полного отсутствия сведений мы вдруг начали получать сотни (поверь, сотни) сообщений со всей Британии, в которых говорилось о Тахе и Мушке. Одни письма были от полиции, другие от любителей диких животных, фермеров или деревенских жителей и других людей, которые слышали об их исчезновении. (Одна из газет даже пошутила по этому поводу, поместив статью под заголовком «В Англии потерялся Дикарь».) Дедушка только и делает, что отвечает на телефонные звонки или несется куда-нибудь в Эссекс, Норфолк или даже в Шотландию.

Но пока нам не везет. Все сообщения оказываются ложной тревогой. Только одна женщина действительно видела их. У нее небольшая птицеводческая ферма недалеко от заповедника, но женщина эта не знала, что мы разыскиваем Мушку и Таха, пока ей кто-то не сказал много времени спустя после их побега об этом.

Женщина, очевидно, видела их в ту ночь, когда они ушли. Ее разбудил лай собаки. Думая, что в курятник забралась лиса, она вышла во двор с ружьем и фонарем. Посветив на большую корзину, в которой были отруби, она увидела, как в сторону от нее бросились какие-то два страшных

животных, и выстрелила. Но считает, что промахнулась. Потом уже она сообразила, что стреляла по «шетландскому пони и еще какому-то несчастному страшилищу, замаскированному под лошадь» — так она написала про Таха.

Обе лошади сразу скрылись в темноте. Миссис Джексон (так зовут эту женщину) пишет, что одна из них очень хромала, хотя она и не помнит, которая. Она уверена, что не могла ранить лошадь так, чтобы та едва двигалась.

Дедушка подумал и решил: «Это, очевидно. Тах. Он поранил ноги, когда ломал стену».

Несмотря на то, что прошли уже недели, мы все еще пытались узнать, куда могли уйти Тах и Мушка, но, к сожалению, нигде не нашли никаких следов.

Однажды утром дедушка получил письмо на французском языке от некоего мсье Фанона, заместителя директора зоопарка в Бордо, который спрашивал, не мог ли дикий монгольский конь, пропавший из нашего заповедника, очутиться каким-то образом во Франции. Мсье Фанон писал, что прочел об исчезновении этого коня в одном из французских зоологических журналов. Он решил написать дедушке, потому что недавно разговаривал с человеком, поставлявшим из Гавра (это французский порт) мясо для зоопарка, и тот сказал, что видел очень странную лошадь в прибывшем из Англии табуне, который отправляли на бойню в Кильбеф. Мсье Фанон считал, что описание «странной» лошади, данное поставщиком, подходило к монгольской дикой лошади, начавшей весеннюю линьку. Он писал также, что пытался выяснить больше, но это все, что мог сообщить поставщик.

«Если Вы считаете, что Ваш дикий конь мог достичь Франции, я буду продолжать розыски. Но только в том случае, если Вы уверены, что это он», — заканчивал письмо мсье Фанон.

Когда дедушка прочел это письмо, он немедленно отправил мсье Фанону телеграмму, в которой сообщал, что ему непонятно, каким образом наша дикая лошадь могла бы добраться до Франции. Но дедушка также подтверждал, что для этой лошади нет ничего невозможного, кроме пересечения Ла-Манша вплавь. Он поэтому будет очень признателен, если мсье Фанон продолжит расспросы, в то время как сам дедушка будет выяснять, каким образом дикая лошадь могла оказаться во Франции.

Таковы последние новости, Барьют. Они вселяют надежду и в то же время пугают. Если это был Тах (и Мушка?), что у них общего с лошадьми, направленными на бойню во Францию. (Страшно подумать!) Неужели им

пришел конец? На бойне!

Я просто не могу поверить этому. Отказываюсь верить. Мы теперь ждем, что удастся выяснить мсье Фанону и дедушке. Не знаю, что лучше: разузнают они что-нибудь или ничего не разузнают.

Миссис Эванс шлет тебе горячий привет. «Я никогда не видела монгольских мальчиков, — сказала она вчера. — Как они выглядят?» Тогда я показала ей твою фотографию.

Я наконец посылаю несколько наших фото. На одном из них мы сняты все вместе. Миссис Эванс специально снялась в фотоавтомате в магазине Вулворта в Ньюпорте. В жизни она выглядит гораздо лучше и более домашнему. А вот фотографии, на которых я, дедушка и Мушка, довольно удачные. Особенно хорошо вышла Мушка, которая похожа на маленькую игрушку, не правда ли?

С надеждой на лучшее и т. д., и т. д.! Всегда твой друг
Китти.

P. S. Все наши шлют особый привет твоей тете Серогли, которая так добра к тебе и пишет на таком великолепном английском. Даже лучше, чем я. Была ли она когда-нибудь в Англии? Надеемся, что когда-нибудь увидим вас всех здесь у нас. Может быть, когда найдем Таха и Мушку.

Китти.

Здравствуй, Китти!

Давно ничего от тебя не получал и поэтому с нетерпением жду известий. Та «странная» лошадь на французской бойне — Тах это или нет? Я очень внимательно изучил атлас, который взял в школьной библиотеке, но не представляю, как Тах мог попасть во Францию.

Дикая лошадь никогда добровольно не пойдет на корабль. Как же это может быть Тах?

С тех пор как получили твое письмо, мы все думаем над этим, и у каждого есть своя версия: у папы, дедушки, братьев, сестер, тети Серогли и даже у мамы, которая говорит, что мы все «глупцы со своими рассуждениями и что это, конечно, Тах». Она говорит, что уже знает секрет Таха, но не скажет нам, в чем он заключается. Мама любит маленькие тайны, и ей нравится поддразнивать нас ими. Она обещает раскрыть нам этот секрет, но только когда придет время. До этого из нее ничего не вытянешь.

Надеюсь, она права. А пока напиши мне, если будет время.

Привет миссис Эванс, твоему дедушке, Питеру в Вороньем гнезде и Скипу.

Твой друг

Барьют.

Р. С. Твои фотографии мы поместили в отдельную рамку, которую нашли в одном из старых ящичков. О рамке просто забыли. Она сделана из плетеных конских волос и была когда-то частью какой-то религиозной утвари, теперь уже совсем не нужной. Как ты считаешь, подходит ли эта рамка из конского волоса?

Барьют.

Здравствуй, Барьют!

Извини, что до сих пор не избавила тебя от беспокойства и не написала раньше, но все время происходило что-нибудь необычное. Порой я даже ничему не могла верить.

Как только я собиралась сесть и написать тебе о последних новостях, происходило еще что-то.

Когда мсье Фанон написал дедушке и спросил, мог ли Тах перебраться во Францию, дедушка решил сам заняться расследованием, применяя методы знаменитого Шерлока Холмса (нашего великого детектива, умершего лет сто тому назад).

— Холмс всегда настаивал на том, чтобы прежде всего изучить самое очевидное, — сказал дедушка. — Поэтому давайте предположим, что Тах действительно попал во Францию, должно быть, с табуном лошадей, которых направляют туда на бойни. Поэтому надо постараться узнать, отправляют ли так лошадей из Англии, из какого места и куда.

Короче говоря, дедушка объехал все южное побережье, расспрашивая. Он написал десятки писем и бесконечно звонил по телефону, пока наконец не обнаружил, что старые и больные лошади отправляются из Англии и Ирландии на бойни во Францию и Бельгию. Я однажды пришла домой из школы (я теперь большой знаток в географии, с тех пор как стала интересоваться Монголией, и сейчас знаю о твоей стране гораздо больше, чем раньше) и нашла его на полу в кабинете, окруженного со всех сторон картами.

— Ну, — сказал он, — я, пожалуй, могу проследить, что же случилось. В Ньюбери есть торговец лошадьми по имени Спэк, который развозит по стране на двух больших грузовиках, покупая старых кляч, а также и здоровых лошадей и пони для боен. Некоторые из фермеров, живущих в районах торфяных болот, рассказывают, что по ночам диких пони ловят десятками и увозят на грузовиках. Каждый месяц у Спэка набирается табун около двадцати пяти лошадей.

— Каждый месяц?

— Каждый месяц!

— Для боен?

— Да. Но Спэк, когда покупает лошадей, никому не говорит, зачем они ему. Он и со мной отказался разговаривать. Но я беседовал с одним убойщиком, который поставляет лошадиное мясо для собачьего корма, так он божится, что этот Спэк из Ньюбери отправляет за год во Францию и Бельгию по меньшей мере пятьсот лошадей. Их делят на две группы: старые клячи, которых убивают на корм зверям и собакам, и молодые здоровые лошади,

которые идут в пищу. Лошадиное мясо едят во Франции и Бельгии, и продается оно в мясных магазинах под названием «Шевалин» — конина. Вот туда-то и поступает мясо молодых лошадей и пони.

— Ты думаешь, это случилось с Тахом и Мушкой? — спросила я.

— Возможно, Китти, очень возможно. Так что ты мужайся.

Он должен был это сказать, и хотя я не разревелась, сдержавшись ради него, одна слезинка все-таки капнула в сахарницу (мы как раз ужинали).

— Но как же им удалось погрузить Таха в грузовик или на парашют? — спросила я. — Им бы никогда не удалось поймать или удержать его. Он бы взбесился.

— Ты помнишь, как миссис Джексон говорила, что одна из тех двух лошадей, которые забрели к ней на ферму, очень хромала?

— Да.

— Может быть, Тах так серьезно поранился, когда разбивал стену, что практически не мог двигаться. Он дошел, наверное, до Эк-смута или Дартмута и был пойман вместе с другими пони. А раз он был такой хромой, его легко связали.

— Он бы все равно сопротивлялся.

— Вряд ли. Он достаточно хитер, чтобы драться при таком стечении обстоятельств. Во всяком случае, я пошлю все эти сведения мсье Фанону, и нам останется только ждать его ответа.

Долго ждать нам не пришлось, поскольку мсье Фанон тоже занимался розысками и вскоре сообщил нам о том, что узнал. Вот что было в письме мсье Фанона, которое перевел дедушка:

«На прошлой неделе я выехал из Бордо, чтобы выяснить дело со „странной и лохматой лошастью“, находившейся в табуне, доставленном на бойню в Кильбеф. Со мной поехал поставщик мяса для нашего зоопарка, который рассказал мне об этой странной лошади. Обычно каждую пятницу он получает на кильбефской бойне мясо для наших тигров и львов. Я очень

подробно расспросил его знакомых на бойне, и они сообщили, что действительно было две лошади: очень некрасивый низкорослый жеребец и маленькая лохматая „цыганочка“ (шотландский пони). Очень важно, принимая во внимание Ваше письмо, профессор, что „некрасивый низкорослый жеребец“ очень хромал и „цыганочка“, кобылка, не отходила от него ни на шаг.

Похоже, что это был ваш дикий монгольский конь со своей подружкой».

Это было только первое письмо мсье Фанона, но теперь уже дедушка точно знал, что был прав. Тах очень сильно поранился, когда бежал из нашего заповедника, и на некоторое время притаился среди эксмурских пони. Там его и поймали и увезли вместе с другими лошадьми. Потом их всех, наверное, погрузили на корабль и доставили в Гавр. Тах все еще хромал, а Мушка не отходила от него, поэтому-то их и поймали вместе.

Допустим, что так и было. Но что же случилось на кильбефской бойне? Вот что пишет мсье Фанон в другом своем письме:

«Когда я стал выяснять дальнейшие подробности, никто не мог вспомнить, убили ли „необычного лохматого“ низкорослого жеребца или его подругу. Люди, которые забивают лошадей, помнят эту партию, но никто из них не мог вспомнить наших беглецов, несмотря на подробное описание. И все-таки мне удалось установить, что они побывали в последнем загоне, откуда мясники по одной берут лошадей для забоя. Вопрос заключается в следующем: могли эти люди запомнить какую-нибудь особенную лошадь? Полагают, что могли, так как они сами сказали, что, к сожалению, каждая убиваемая лошадь остается в памяти.

Поэтому я пришел к заключению, что ни монгол, ни шетландка далее этого загона не попали. Тогда где же они? Что с ними случилось? Удалось ли им убежать или кто-нибудь увел их? Вопросов оставалось много.

Я начал задавать эти вопросы, профессор Джемисон, всем, кто работал на бойне, и наконец установил, что однажды ночью убежали три лошади (а не две), совершив такое, чего у лошадей и не встретишь. Одна из них каким-то образом выкопала углубление под забором, и все три (третья была гнедая) проползли под забором, как собаки».

Когда дедушка прочел мне это место, мы в один голос воскликнули: «Это, конечно, Тах!»

Но Продолжу письмо мсье Фанона: «Бойни находятся в довольно отдаленной части Киль-бефа, и поэтому, стоя неподалеку от забора, под которым проползли лошади, я пытался определить, какое направление они могли избрать. Зная, каким хитрым может быть монгол, когда ему надо стать незаметным, я выбрал путь, который проходит через небольшие

рощицы, вдоль реки и через поля сахарной свеклы. Я последовал по этому маршруту, расспрашивая фермеров и жителей деревень, не видели ли они лошадей. Наконец мне попался деревенский почтальон, он сказал, что как-то рано утром ходил на охоту и видел трех пони на опушке рощи, километрах в двадцати от Кильбефа. Заметив его, лошади обратились в бегство, но одна из них („уродливый низкорослый пигмей“, как он выразился) могла скакать только на трех ногах, волоча одну заднюю. И все равно, сказал почтальон, они бежали удивительно быстро и скрылись в лесу, прежде чем он добрался до того места, где их увидел».

Дедушка, хлопнув себя по коленкам, сказал: «Совсем, неплохо» — и собрался складывать вещи, чтобы немедленно ехать во Францию. Мы оба были очень счастливы и уверены в том, что заполучить наших лошадей обратно — это теперь лишь вопрос времени.

Но вернемся, однако, к письму мсье Фанона: «Когда я спросил почтальона, не сообщал ли он об этих лошадях властям, он ответил, что догадался, что эти лошади бежали с бойни, но, хотя он и занимается спортивной охотой, стреляя птиц и кроликов, он не собирался помогать кому-нибудь отправить лошадь на бойню. Он сказал также, что и мне не сообщил бы ничего, если бы не слышал, что одна из лошадей была очень ценной и, если они будут пойманы, он, может быть, получит вознаграждение».

— Конечно, — спохватился дедушка. — Я как-то не подумал об этом. Конечно, вознаграждение должно быть. По меньшей мере сто фунтов стерлингов...

Итак, Барьют, если подвести итог: мсье Фанон проследил путь лошадей еще на пятьдесят километров. Они двигались на юго-восток и шли, очевидно, ночью. Потом он совершенно потерял их след. За рекой Лот никто их не видел, и никаких сведений о них не поступало.

«Все, что я мог сделать после бесплодных поисков, — пишет мсье Фанон, — это известить национальную жандармерию в максимально широком районе и вернуться к своим обязанностям в Бордо. Я написал ученым и лесничим в Аи и Провансе, Лионе, Авиньоне, Арле, Ни-ме и Вэзон-Ромэне с просьбой, чтобы они искали наших трех путешественников. Надеюсь, профессор, это поможет. Во всяком случае, я с удовольствием встречу Вас и окажу всякую помощь, какую смогу. Я также с радостью провожу Вас до реки, где их последний раз видели».

Вот пока и все новости, Барьют. Они оба живы, хотя Тах и ранен. Дедушка говорит, что нога Таха, должно быть, быстро заживает, если они ушли так далеко. И теперь с ними еще один пони, гнедой.

— Тах, наверное, по дороге собирает себе табун, — посмеялся дедушка. Я давно уже не видела его таким счастливым. Он мало улыбался с тех пор, как Тах и Мушка исчезли, но теперь он снова поддразнивает меня, хлопает себя по коленкам и восклицает: «Непостижимая лошадь! Удивительное животное!»

Завтра он уезжает во Францию, чтобы продолжить поиски. Я упрасивала его позволить и мне ехать, но он не разрешает мне пропускать школу даже на неделю, хотя последнее время у меня хорошие отметки, особенно по английскому, географии, истории и по французскому. Мне бы хотелось, чтобы вместо французского был монгольский. Пытаюсь учить грамматику по учебнику, который прислала тетя Серогли, но я плохо запоминаю, если мне некому» отвечать вслух. Поэтому мне очень нужен ты и тетя Серогли, чтобы слушать и помогать мне и даже смеяться над моими ошибками. Я попробовала на миссис Эванс, но она так смеялась над монгольскими словами, которые я пыталась произносить, что я тоже не удержалась, и мы обе хохотали до изнеможения. Миссис Эванс считает, что вы все ужасно умные, если умеете говорить по-монгольски.

Вот пока и все. Я ужасно устала. Пишу в постели, пальцы совсем онемели... почерк ужасный... Скип во сне гоняет кошек и смешно, пискляво лает. Пока до свидания.

Твой очень сонный, но счастливый друг

Китти Джин Джемисон. (это мое полное имя)

P. S. Если ты пришлешь мне пластинку какого-нибудь современного монгольского эстрадного певца, я пошлю тебе кого-нибудь из наших: Тома Джонса, «Ролинг Стоунз», Пинка Флойда или кого ты захочешь.

Китти.

10

Здравствуй, Китти!

Большое тебе спасибо за то, что ты наконец «избавила меня от беспокойства» по поводу Таха и Мушки. Это очень смешное выражение, если его перевести на монгольский, я никак не мог перестать смеяться. По-монгольски мы говорим: «Спасибо, что дал мне напиток». Но я был уверен, что Тах и Мушка не погибнут на бойне.

Я только надеюсь, что Тах не искалечил себя. Для лошадей повреждение ног смертельно. Иногда дикая лошадь с поврежденной или сломанной ногой еще может некоторое время передвигаться, но в конце

концов так ослабевает, что падает и не может подняться. А потом умирает. Надеюсь, Тах находится в лучшем положении. Если он повредил только копыто, то, наверное, поправится.

Хочу тебе сказать, Китти, что ты теперь очень знаменита в нашей местности. Все теперь знают о твоих письмах, и все приходят посидеть в нашей юрте (сейчас лето), чтобы послушать тетю Серогли, которая переводит письма на монгольский. Проходят целые часы, потому что каждый обсуждает или спорит по поводу того, что ты написала. Старики помалкивают, но у всех остальных есть свое мнение. Моя мама очень любит твои письма и всегда кивает головой, как будто уже знает наперед все, что должно случиться.

Она все еще не соглашается раскрыть нам свою знаменитую «тайну» про Таха, хотя я просил тетю Серогли выведать. Однажды ночью я слышал, как папа и мама смеялись, и догадался, что речь шла о том, как мама нас поддразнивает. Она любит поддразнивать. Но рано или поздно я вытяну этот секрет из нее, и она захохочет, как это делает твой дедушка.

Среди тех, кто внимательно слушает твои письма, два зоолога из Улан-Батора. Твой дедушка написал им об исчезновении Таха, но они не знали подробностей. Слушая твои письма, они даже делают пометки для себя о том, что происходит с лошадьми.

— Китти следует подумать, не стать ли ей зоологом, как ты решил, — сказала однажды тетя Серогли,

К нам все время приезжают зоологи, чтобы понаблюдать за диким табуном, и у нас теперь есть десяток специальных маршрутов в горы на пять наблюдательных постов, которыми ученые могут пользоваться, не беспокоя табун. Прошедшие каникулы я потратил на то, что помогал нашему другу Гриту выбрать эти маршруты. Ты помнишь Грита? Он теперь стал настоящим табунщиком.

Табун спокойно живет в наших горах, не подозревая о том интересе, который вызывает. Сейчас он насчитывает 26 лошадей, но я думаю, что где-то еще пятеро. Когда я впервые увидел табун, то насчитал тридцать пять, включая тех четырех, которых увезли. Должна была остаться тридцать одна, а не двадцать шесть. Поэтому я разыскиваю недостающих пятерых и уверен, что найду их.

Что же касается Таха, то мы с нетерпением ожидаем сообщения о том, что вы его наконец поймали. А что это за третья лошадь? Тах, очевидно, думает, что может собрать свой собственный табун даже в Европе. Но Грит говорит, что это не так смешно, как кажется, потому что дикие лошади бродили по всей Европе и Азии в течение тысячелетий, передвигаясь из

Европы в Азию и из Франции в Китай, владея всей этой территорией.

Но нам все же не хватает его в табуне. У них все еще нет хорошего проводника и будущего жеребца-вожака, который был бы умным и решительным. Некоторые из молодых жеребцов начинают бросать вызов старому вожаку, на они не так проницательны, умны и храбры, как Тах.

Поэтому, пожалуйста, не забудь написать сразу же, как только вы его поймаете.

Твой друг

Барьют.

P. S. Тетя Серогли говорит, что чтение твоих писем и перевод всего, что прошу написать я, очень помогают ей в английском. «А почему ты сама не напишешь ей об этом, — спросил я. — Или не сделаешь маленькую приписку?» Но тетя Серогли говорит, что, если она будет писать от себя, это испортит наши письма, и поэтому она просит меня просто поблагодарить тебя за помощь.

Б.

Здравствуй, Барьют!

В нашей переписке опять получился перерыв, но в настоящий момент у меня все болит, потому что я упала на склоне горы, где мы обычно гуляли с Мушкой. Я замечталась, разыскивая гнезда жаворонков (не разорять, а просто посмотреть), поскользнулась и покатила вниз по склону и вся сильно исцарапалась. Думала даже, что так и не остановлюсь и буду катиться.

Но, как говорит бабушка, первое должно быть во-первых. Ты помнишь, бабушка поехал во Францию, уверенный в том, что привезет Таха. Но он провел целых две недели в поисках следов или признаков лошадей, и только в последние два дня ему удалось установить, в каком направлении они ушли. Но где они, узнать не смог, и ему пришлось вернуться домой ни с чем.

— Вот уж не думал, чтобы три лошади, причем одна из них дикая, могли полностью исчезнуть во Франции. Наверное, это проделки Таха, и наверняка они по-прежнему скрываются днем, а двигаются ночью... Но я до сих пор не понимаю, как ему все это удается.

Бабушка расхаживает по комнате, задает себе сердитые вопросы, барабанит пальцами, дергает себя за волосы и спорит сам с собой.

— Кто нам сейчас действительно необходим, так это лошадиный сыщик. Но поскольку у нас нет средств на какого-нибудь детектива, придется положиться на способности мсье Фанона.

Дедушка рассказывает, что мсье Фанон похож на маленького терьера: «Ростом он не более ста пятидесяти сантиметров, такой подвижный и энергичный, что я едва поспевал за ним. Когда он начинает расспрашивать кого-либо, то создается впечатление, что для всех решается вопрос жизни и смерти. Он не отстает даже тогда, когда самим людям кажется, что они ничего не знают. Он встряхивает их мозги, как терьер, который трясет крысу, и добивается от них кое-чего. И конечно, он сгорает от желания поймать Таха».

Таким образом, все, что мы теперь знаем, исходит от нашего нового друга мсье Фанона, который считает, что в том, как действует Тах, есть какая-то цель. Я не знаю, как это понимать. Может быть, ты, Барьют, догадаешься, что он имеет в виду, когда целиком прочтешь его письмо. Вот оно:

«Похоже, что дикая лошадь двигается не по прямой линии. Она идет зигзагами, как парусник, меняющий галс, чтобы потом выйти на прямую. У Таха поэтому есть направление. Я, например, обнаружил, что он твердо шел на юго-восток и пришел наконец в Камарг, который, как Вам известно, является одним из самых больших заповедников на юге Франции и единственным местом в Европе, где пасутся на свободе табуны лошадей. Там же обитают и знаменитые камаргские пони.

Почвы там сухие и песчаные, местами болотистые, но много и солонцовых равнин, которые так любят монгольские дикие лошади.

Вот в самой середине Камарга сын табунщика и увидел трех лошадей. Если бы он знал тогда, что это были за лошади, он бы их уже поймал. Но издали они были так похожи на камаргских пони, что он сначала не обратил на них внимания. Этот парень был одним из местных табунщиков, наблюдавших за отдаленным уголком Камарга. В течение нескольких недель, может быть даже месяц, он постоянно видел „странных камаргских пони“, которые паслись с разными группами лошадей из его табуна. Но парню не удавалось приблизиться к ним или хорошенько рассмотреть и определить, что же это были за лошади.

Но когда однажды его попросили поймать четырех молодых жеребцов и он поехал через болота, чтобы подойти к табуну с тыла, он увидел удивительную схватку между, как он сказал, „обезьяноподобным маленьким пони“ и одним из местных жеребцов, который был гораздо больше своего противника. Другими словами, Ваш дикий монгольский конь дрался с камаргским жеребцом.

Этот парень-табунщик рассказал мне, что никогда не видел ничего подобного. Камаргские лошади известны своей злобностью. Но

„низкорослый пони-обезьянка“ жестоко избил камаргского жеребца и даже не дал ему спастись бегством или прекратить схватку, как обычно поступают между собой камаргские лошади, когда победитель очевиден. Вероятно, дикий монгол сражался, защищая свой маленький гарем (Мушку и гнедую), но дрался насмерть, и вскоре камаргский жеребец очутился в безнадежном положении. Монгол сбил его с ног и уже собирался прикончить передними копытами, когда подскакал табунщик.

Тогда дикий конь бросился на парня и его лошадь, укусил ее и возобновил бы атаку, если бы парень не прибег к помощи своего большого кнута, что, видимо, удивило дикаря, „который только после этого ускакал“. Больше его парень не видел.

Я провел в Камарге целую неделю, надеясь найти их. Ночевал с цыганами и табунщиками, посещал деревни, но, к несчастью, монгол и его табунки исчезли.

Следующее сообщение я получил от жандармерии в Грасе, который расположен приблизительно в двухстах километрах дальше на восток. Мастер, обслуживающий высоковольтную линию, проходящую в горах, наблюдал трех пони, долго игравших на поляне в сосновом лесу. Но когда два дня спустя я прибыл в Грае, мне сообщили, что все это происходило три недели тому назад. Я снова отстал на несколько недель.

Наконец я получил еще одно сообщение с военного поста на итальянской границе близ Соспеля.

Один из офицеров этого поста сообщил, что он и два его солдата видели трех небольших лошадей, пересекавших очень крутой склон, проходящий вдоль границы. Солдаты сделали по ним несколько выстрелов, чтобы проверить дальность своих автоматических винтовок. Но когда лошади услышали выстрелы, одна из них просто сошла с ума. Она носилась вверх и вниз по склону и торопила остальных, подталкивая их. Офицеру показалось, что одна из лошадей хотела было броситься в обратном направлении, но этот сумасшедший встал на дыбы и замолотил передними ногами по воздуху около нее. Все три исчезли вскоре в небольшой рощице пробкового дуба на итальянской стороне.

Я, конечно, продолжу свои розыски настолько далеко, насколько смогу, профессор, но многого мне в Италии не удастся сделать. Граница — мой официальный предел. Я свяжусь со всеми моими коллегами в Италии, с кем смогу, и надеюсь, Вы сделаете то же. Единственный фактор, который может оказаться полезным, это определенное направление, избранное диким конем. Сообщите мне, пожалуйста, если Вы узнаете что-нибудь от наших итальянских коллег».

Это все, Барьют, что мы имеем пока от мсье Фанона. Дедушка рассматривает карту и роется в международных справочниках, чтобы установить, кто из ученых-зоологов мог бы помочь в Италии.

У меня такое ощущение в пальцах, как будто я писала на дереве толстым гвоздем. Я уже могу печатать на машинке, но пока еще недостаточно быстро. Во всяком случае, мои мысли всегда обгоняют меня, и поэтому печатать было бы медленнее.

Вчера миссис Эванс сказала мне: «Если бы твоя голова была у тебя на плечах, а не на десять миль впереди, ты не свалилась бы с той горы и не поранилась бы».

Наверное, она права. Мне уже давным-давно пора спать. Спокойной ночи!

Твоя вечно торопящаяся
Китти.

Р. S. Я считаю тайну твоей мамы про Таха просто очаровательной. Так приятно, когда над тобой подшучивает мама. Уверена, что замучаю розыгрышами своих детей, если они у меня будут. Хотя это трудно представить.

К.

Здравствуй, Китти!

Тебе, наверное, будет интересно узнать, что мы наконец уговорили маму раскрыть свою загадку о Тахе. Когда тетя Серогли читала твое последнее письмо, мама сидела рядом, кивая, как всегда, головой и произнося то «аха», то «уху», как будто она уже все знала. Это так рассердило моего дедушку, что он остановил тетю Серогли и сказал:

— Кара (так зовут мою мать), ты не должна таить от нас свой секрет. Если ты уже знаешь все, что происходит с этой лошадкой, ты должна сказать нам, откуда тебе это известно. Иначе мы плохо о тебе подумаем.

Дедушка очень стар (вообще-то он даже мой прадедушка) и все еще думает по-старому. Он очень суеверен, и всякие предсказания и тайны его огорчают. Мне кажется, он боится их.

Тогда мама, не желая быть невежливой и чтобы не огорчать дедушку, извинилась и сказала:

— Это очень просто, баба (дедушка), — сказала она серьезно, хотя ее глаза смеялись. — Наш дикий конь идет домой.

— Что?! — воскликнули мы в недоумении.

— Он идет домой, — снова повторила мама, — Он решил вернуться в свои горы. Вот что я знаю, баба. И поэтому я уверена, что он не остановится, не задержится и преодолет все преграды. Поэтому не огорчайся.

Конечно, тут все наперебой заговорили, и начались споры. Достали карту мира, разложили на ковре, и все сгрудились вокруг нее. Мы показали маме, что если Тах направляется домой, то ему придется пересечь всю Европу и Азию от Атлантического океана почти до Тихого, пройти тысячи километров. Но на маму это не произвело никакого впечатления, и она

твердо повторила: «Наш дикий конь идет домой!».

Ты согласишься в это, Китти?

Вообще-то должен признаться, что, если какая-то мысль запала мне в голову, от нее очень трудно отделаться. Но я даже не осмеливаюсь и думать об этом. Правда, я еще не спросил Грита, что он думает об этом. А что об этом думает твой дедушка? Мне бы очень хотелось знать.

Во всяком случае, мамины поддразнивания не кончились. Уверен, что она еще какую-нибудь тайну выдумает. Я учусь плавать в пруду, который устроили у реки, и до сих пор не знал, что плавание в действительности является проблемой гидравлики. Так говорит мой брат, который учится на инженера. Но он тоже не умеет плавать, хотя и знает гидравлику.

Сообщи мне, что думает твой дедушка. Я ничего не скажу о том, что я думаю, пока не получу от тебя ответа.

С приветом

Барьют,

P. S. Играешь ли ты в шахматы? На прошлой неделе я играл с Гритом, пока мы пасли табун, и он предложил, чтобы мы с тобой устроили англо-монгольский шахматный турнир.

Б.

Здравствуй, Барьют!

Когда я прочла твое письмо дедушке и он узнал эту потрясающую догадку твоей мамы о Тахе, то хлопнул себя по коленкам и воскликнул: «Удивительная женщина! Конечно, она права. Без сомнения, дикий конь идет домой. Я сам об этом подумывал, но поскольку я смотрел с научной точки зрения, то не мог этого допустить. А мать Барьюта сразу попала в точку».

Как ни удивительно, Барьют, но это ответ на все вопросы.

— Ты даже увидишь, — сказал дедушка, — что Тах выбирает самый лучший маршрут. Он, наверное, обладает инстинктом всех своих лошадиных предков, которые когда-либо свободно бродили по бескрайним просторам Европы и Азии.

— Но сколько ему потребуется времени, чтобы добраться до своих гор? — спросила я дедушку, все еще не веря.

— Кто знает? Год. Два. Может быть, больше.

Таков дедушкин ответ, Барьют. Он верит в это. Как и вы, мы достаем карту мира и пытаемся определить путь, который изберет Тах. А пока я не знаю, надеяться ли на то, что ему удастся в течение целого года избегать встреч с людьми и достичь ваших гор, или на то, что его вскоре поймут и

вернут нам вместе с Мушкой.

Конечно, я думаю о Мушке и о гнедой, которая с ними. Они ведь обе домашние лошади. А если они последуют за Тахом, то, наверное, погибнут от истощения задолго до того, как достигнут Монголии.

Дедушка написал в зоопарки и ученым в Турине, Милане, Венеции и Триесте. Он также написал мсье Фанону, спрашивая, согласен ли он с мнением твоей мамы. Дедушка уверен, что мсье Фанон все время тоже так думал. А на что ты надеешься, Барьют? Что Тах доберется до своих гор? Или что его поймают и возвратят нам? А что теперь происходит с Мушкой? Я все время думаю и беспокоюсь о ней.

Теперь до свидания, до тех пор, пока еще что-нибудь — лишь одним небесам известно что — не случится.

Твой старый друг

Китти Д.

Р. S. Я не умею играть в шахматы, но дедушка говорит, что научит. Миссис Эванс считает, что мне и без того хватает забот с уроками, но дедушка твердит: «Чушь».

Р. P. S. Мне кажется, я хочу, чтобы Тах дошел до своих гор, но не знаю, чего я хочу для Мушки. Лишь бы она не потерялась, не осталась одна в чужом краю, лишь бы ее не поранили.

К

11

Здравствуй, Барьют!

Ты не представляешь себе, как было трудно найти следы движения Таха, Мушки и гнедой на восток. Мы получали самые непонятные сообщения от разных людей из Европы, и, когда, наконец, нам их перевели с французского, итальянского и немецкого, мне пришлось потратить несколько часов, чтобы их рассортировать. В результате мы теперь знаем, что с ними произошло, по крайней мере, три ужасных приключения, одно за другим.

Причина их — Тах. Он не останавливается ни перед чем. И он снова был очень серьезно ранен и даже, может быть, умирает. Он и дальше ни перед чем не остановится, и потому мы не знаем, чем это все кончится.

Первая беда с ними приключилась в Италии. Об этом нам сообщил мсье Фанон (наш «сыщик»). Он написал, что его начальники в зоопарке в Бордо разрешили ему отправиться в Италию, так как им было интересно знать,

как такое дикое животное может выжить и затеряться среди множества дорог, ферм, деревень и городов. Мсье Фанон говорит, что было достаточно легко определить, как Тах пересек Францию. Он просто держался глухих мест в приморских Альпах. Но что могли поделаться три лошади в Италии, где так много деревень и дорог, где много людей и где не дадут им бродить беспризорными?

Поэтому мсье Фанон сначала установил их маршрут в Италии, расспрашивая водителей грузовиков. Некоторые из них видели загадочных животных ночью у обочины. Рассказы шоферов привели его в цыганский табор под Вероной, которая находится на половине пути через северную Италию.

«Когда это случилось, никто точно не знает, — писал мсье Фанон. — Но, верьте или нет, цыганам удалось поймать дикого коня».

Цыгане были водовозами и разъезжали по стране, предлагая свои услуги в деревнях и на фермах в качестве поливальщиков фруктовых садов, виноградников, огородов. Пользовались они мулами и лошадьми, а жили в поле в крытых грузовиках и старых потрепанных фургонах. Были у них я другие животные: козы, собаки и даже обезьяна.

Каким-то образом, Барьют, три бродячих лошади, прятаящиеся в лесу под Вероной, были замечены цыганами. Как они рассказывали, лошади, очевидно, пытались найти обходной путь, чтобы не переправляться через большой канал. Цыгане решили воспользоваться этим и поймать всех трех. На той тропе, по которой, как они заметили, шли лошади, были устроены проволочные ловушки. Ночью они дождались, когда лошади пойдут, и напугали их вспышками фонарей и грохотом медных кастрюль и чайников.

Мушка и гнедая сразу же повались, упали и запутались в ловушках, но Тах, увидев проволоку, перепрыгнул через нее и убежал.

Потом цыгане поместили их во временный загон, огороженный веревками, думая, что этого будет достаточно. Но ночью появился Тах и начал сбивать веревочный забор. Выбежавшие цыгане пытались поймать его, но, как только они приближались, он нападал на них. Они были совершенно поражены. Такой лошади они еще не видели. Тах проник в загон и вывел Мушку. Потом он вернулся за гнедой, которой не очень хотелось уходить. Тогда Тах начал лягать ее, заставляя бежать.

Видя, что они теряют всех трех лошадей, цыгане набросили на гнедую лассо. Но Тах напал на того, который держал веревку. К сожалению, цыгане на этот раз ожидали нападения, один из них нанес Таху удар молотком по лбу, и Тах упал.

Ух! Я просто не могу говорить об этом, Барьют. Это, наверное, было

ужасно.

Но мсье Фанон пишет, что эти цыгане знают свое дело и такой удар не приносит серьезного вреда лошади. Во всяком случае Тах был сбит с ног и потерял сознание, а Мушка и гнедая убежали.

Когда Тах пришел в себя, то лежал со связанными ногами в загоне, огороженном колючей проволокой, и первое, что сделали цыгане, — окатили его ведром холодной воды. И поливали его водой каждый раз, когда он пытался вскочить и напасть на них.

Гнедая убежала совсем, как будто обрадовалась, что избавилась от Таха, но Мушка осталась. Каждую ночь она приходила к забору из колючей проволоки, ржала и била копытом. Конечно, цыгане хотели снова ее поймать, но теперь Мушка вела себя умнее и избегала ловушек, скрываясь в темноте.

(Бедная Мушка! Я так рада, Барьют, что она осталась с Тахом и не покинула его.)

Цыгане изо всех сил пытались приручить Таха, но не развязывали его, потому что знали: он нападет на них или попробует перепрыгнуть через колючую проволоку. Они привязывали ему на спину кожаные мешки с водой, но он кусался, лягался, катался по земле и сбрасывал все, что они клали на него.

Цыгане по-прежнему поливали Таха водой, надеясь, что он привыкнет ходить с мокрой спиной, ведь они хотели сделать Таха водовозной лошастью. Они в общем-то не были жестокими. Но им нужно было двигаться дальше. Они связали Таха, положили в один из грузовиков и повезли. К счастью, всех своих козлов, мулов, собак и лошадей они не могли увезти на грузовиках и гнали их по дороге. А Мушка, не желая оставлять Таха, шла следом ночами.

На этот раз цыгане разбили свой лагерь у реки. Они снова построили загон из колючей проволоки, поместили туда Таха, оставив путы только на задних ногах. Однажды ночью, когда шел дождь и все цыгане укрылись в фургонах, они вдруг услышал как от боли взвизгнула лошадь. Выбежав наружу, они увидели Таха, скакавшего прочь, с его груди свисала колючая проволока, а сзади волочились привязанные к ней два столба.

Когда цыгане зажгли огонь, то увидели, что он пытается освободиться от этой ужасной колючей проволоки, путы на его задних ногах были порваны. Они не стали подходить к нему, так как были уверены, что с этой проволокой он далеко не уйдет. Они даже боялись, как бы не сделать хуже, потому что он был весь в крови и очень сильно хромал. Но и в этом состоянии, когда они приближались, он бросался на них, пытаясь укусить

или лягнуть. Тогда они решили подождать, пока Тах не свалится от боли или не зацепится за что-нибудь. Он тащил за собой проволоку примерно полкилометра.

Вдруг Тах оказался перед глубокой канавой, которая протянулась вдоль грунтовой дороги, и цыгане — решили, что здесь-то они его и поймают. Но не тут-то было. Кого угодно, но не Таха. Страдая, очевидно, от мучительной боли, он все же прибавил ходу и перепрыгнул через канаву вместе с проволокой и тащившимися за ней столбами. Канавка оказалась такой глубокой, что все висевшее на нем вдруг отцепилось и полетело вниз. Последнее, что видели пораженные цыгане, был хромающий Тах, вместе с Мушкой уходящий по пыльной дороге. Пока цыгане собирались и седлали своих лошадей, Тах и Мушка исчезли в темноте. Больше цыгане их не видели.

Тебя, конечно, интересует, что случилось с маленькой гнедой. Ее поймали примерно километрах в тридцати от лагеря цыган и вернули им, а они сделали из нее водовозную лошадь. Это лучше, чем попасть на бойню, правда? И я так рада, что Мушка осталась верной Таху и бежала вместе с ним.

Так закончилось их первое приключение, в результате которого Тах так серьезно пострадал, что едва мог двигаться. Но он не остановился. Он продолжал идти домой, Барьют, продолжал идти на восток. Все время на восток. Даже непонятно, как ему это удавалось, но хочешь верь, хочешь нет, он и Мушка пересекли Италию и добрались до Австрии, где с ними произошло второе несчастье.

На этот раз они попались леснику с ружьем.

По-моему, им просто не повезло. На горной границе между Италией и Австрией жил старик пастух, у которого было стадо овец и коз. Из-за того, что пограничный контроль там был не очень строгим, старик пас свое стадо то на итальянской, то на австрийской стороне. Сам он был австрийцем, но кое-кто из его родственников жил в Италии. Так часто бывает в горах. Живущие там люди считают горы своим домом и прекрасно знают все тропы.

Однажды вечером старик пастух, перегоняя свое стадо в Австрию через очень трудный горный участок и направляясь на восток, почувствовал, что за ним идут какие-то дикие животные. Позднее он сказал профессору Шмидту (который потом написал обо всем дедушке), что не знал, какие животные шли за ним. Медведей в этой местности не видели уже лет шестьдесят, а кабанов давно всех перестреляли. Но волки были, и по тому, как вели себя собаки, пастух подумал, что, вероятно, это волки. Но

единственное, что он знал наверняка, это то, что за стадом кто-то шел и что его животные были очень беспокойны.

Старик торопливо подгонял свое стадо, сожалея, что из-за звона колокольчиков на шеях коз не может слышать, продолжает ли идти кто-нибудь за стадом или нет.

На вершине горного перевала ему наконец удалось увидеть тех, кто шел за стадом. Услышав долгий, похожий на ржанье звук, он оглянулся и при свете луны увидел двух лохматых диких зверей, но не определил, что же это за звери. Ты ведь помнишь, Барьют, что Тах и Мушка небольшого роста, а в той части Европы лошадей такого роста не водится. Тах и Мушка показались пастуху лохматыми и дикими, Тах к тому же тряс головой. Старый пастух решил, что это гигантские волки, и так испугался за себя и свое стадо (и я понимаю его), что, оставив стадо, бросился вниз по склону к маленькой избушке, где жил австрийский лесник.

— Волки! — закричал пастух в ответ на вопрос лесника о том, что случилось (был час ночи). — Бери ружье, лесник, да поспеши, я ведь оставил стадо на собак.

Лесник не очень-то поверил старику, хотя случалось, что, движимые голодом, волки из Италии появлялись в этой части Каринтии и даже нападали иногда на людей. Лесник натянул сапоги и поспешил в темноту за старым пастухом.

Пастух опасался, что, когда вернется обратно, увидит нескольких волков посреди своего мечущегося в панике стада. Но он нашел свое стадо сбившимся в кучу в небольшой впадине и окруженным повизгивающими собаками. Никаких волков не было, не было и виновников переполоха — Таха и Мушки.

Но по встревоженному поведению овец и собак лесник понял, что где-то поблизости находятся дикие звери, и, поверив наконец старику, начал искать волков, а пастух погнал стадо, торопясь достичь безопасного места.

Я спросила дедушку, почему Тах пошел за пастухом и его стадом. Дедушка считает, что Тах, переходя этот трудный перевал, последовал за овцами и козами, подчиняясь своему дикому инстинкту. Дикие животные часто так поступают. Поэтому Тах и Мушка продолжали идти в отдалении за стадом, и тогда-то лесник и заметил их при свете луны, испугавшись их вида. Он не знал, что это за животные, но решил, что дикие и поэтому опасные.

Он спрятался со своим ружьем за большим камнем, в том месте, где тропа сужалась, проходя между скалами. В тот момент, когда «звери» появились на тропе, он прицелился в одного из них и выстрелил. Но как раз

в этот момент «зверь» прыгнул вперед, как будто знал, что в него стреляют. Пуля прошла мимо. Лесник выстрелил еще раз, но обе лошади уже мчались вниз по склону, обратив в паническое бегство стадо овец и коз. Затем они скрылись в густом сосняке на склоне горы.

Больше лесник и пастух их не видели.

На следующий день лесник известил о приключении с двумя «дикими зверьми» свое лесничество в Линце, и один из чиновников составил длинный отчет о том, что видели лесник и пастух. Этот отчет попал наконец к профессору Шмидту из Вены, который повидался с лесником и пастухом, расспросил их, а потом написал обо всем дедушке. Но отчет также попал и к некоему доктору Шульцу из зоологического общества Венского университета, и это явилось причиной третьего происшествия.

Доктор Шульц сразу догадался, какие это были «дикие звери», и он, как охотник, отправился их преследовать. В своем письме дедушке он сообщал, что намеревается стрелять в Таха снотворной пулей, такой же, как тогда была у ваших ученых. Но дедушка мне рассказывал, что это не лучший способ для поимки диких животных, потому что только опытный стрелок может попасть в нужное место. Плохие стрелки попадают обычно не туда, снотворная пуля уходит слишком глубоко, и иногда, падая, животное ломает себе ноги или даже шею. Поэтому я очень расстроилась и начала волноваться, когда прочла, что доктор Шульц собирается стрелять снотворной пулей. Дедушка пытался успокоить меня. Чего я реву? Никакого вреда Таху не причинят, шею он не сломает.

— Даже если он не сломает шею, — закричала я, — что будет с Мушкой, когда они поймают Таха? Или тебе все равно, что с ней произойдет?!

Я знаю, это было глупо, но мне почему-то сразу не понравился доктор Шульц. Пусть он и не причинит вреда Мушке, но может просто прогнать ее.

Миссис Эванс услышала, как я спорю с дедушкой, и заявила ему, что он, как всегда, равнодушен и безразличен, и они опять начали твердить друг другу «чушь», и мне пришлось мирить их, и это меня как-то успокоило.

Но дедушка тоже волновался, потому что он вдруг вспомнил, что знает доктора Шульца. Он вспомнил, что доктор Шульц провел много лет в Восточной Африке и что в нем больше было от охотника, чем от ученого.

— Не хочу сказать, что ему нравится убивать. Но он любит выслеживать животных, как это делают охотники, и преследование дикой лошади в Европе, наверное, его больше привлекает, чем поимка Таха для

научных целей, — заметил он.

В первом сообщении, которое мы получили от доктора Шульца, говорилось, что он выследил Таха и Мушку в нескольких километрах от австрийской границы с Венгрией. Тах пересек всю Австрию и был почти в Восточной Европе. Он по-прежнему шел на восток. Доктор Шульц писал, что лошади шли по очень необычному маршруту, представлявшему зигзаг (помнишь, что говорил мсье Фанон?). Но одно было очевидно — они избегали переходов через высокие горы и всегда выбирали путь через долины.

— Это, наверное, потому, что Тах все еще страдает от ран, нанесенных ему колючей проволокой, — решил дедушка. — Или потому, что лесник все же ранил его.

Итак, доктор Шульц продолжал свою охоту за ними, как будто они были дичью, и однажды увидел их, пойдя по следам на мокрой мягкой почве, потому что отпечатки копыт были четкими, а навоз свежим. Когда он заметил их в свой бинокль, был почти вечер. Они лежали в углу заброшенного яблоневого сада в горной долине недалеко от австро-венгерской границы.

Доктор Шульц писал, что ему пришлось прибегнуть ко всем хитростям, которым он научился в Восточной Африке, чтобы подкрасться к ним. Дело было не в том, чтобы выполнять все охотничьи правила, писал он, держаться против ветра и не показываться, а в том, чтобы двигаться очень неслышно и подобраться на расстояние в пятьдесят — шестьдесят метров. Как ты знаешь, снотворная пуля плохо летит с большого расстояния.

Он писал, что потребовался целый час, чтобы продвинуться на сто метров. Однако он хорошо рассмотрел Таха. У Таха отросла толстая осенняя шерсть, хвост и торчащая грива были очень длинными. Но сам Тах выглядел очень больным и слабым. А Мушка, наоборот, казалась в полном здравии. Ее шерсть была плотной и блестящей. И пока Тах стоя спал, она находилась на страже.

Доктор Шульц решил, что это был самый подходящий момент, поскольку кобылы не так чутки, как жеребцы. Еще сотня метров, и он будет достаточно близко, чтобы стрелять. Но Мушка уже забеспокоилась, и доктору Шульцу пришлось потратить еще полчаса, чтобы подкрасться на пятьдесят метров. Когда же наконец он оказался достаточно близко, то вспомнил, что не взвел курок. Щелчка взводимого курка было достаточно, чтобы разбудить Таха. К сожалению, у доктора Шульца хватило времени прицелиться и выстрелить по убегающим лошадям. Он был уверен, что снотворная пуля попала Таху в левое плечо. Даже в темноте было видно,

как он подпрыгнул. Но обе лошади ускакали, промчавшись через сад.

Доктор Шульц не спешил, он знал, что Тах далеко не уйдет. Он, конечно, упадет без сознания через пятьдесят метров. До ближайшей деревни было километра три, и доктор решил нанять там грузовик, чтобы потом отвезти Таха. У него также была веревка, которой он собирался связать ему ноги, пока тот будет без сознания. Поэтому он пошел через сад, посвечивая фонарем, так как уже совсем стемнело. Доктор, абсолютно уверенный, что не промахнулся, был очень удивлен, когда обнаружил, что Тах не упал ни через пятьдесят, ни через сто метров.

Тах вообще не упал. Но почему?

Доктор Шульц не знает. И хотя он провел в поисках всю ночь и весь следующий день, Таха и Мушку так и не удалось обнаружить. Он даже не мог найти их следов, так как почва там была сухой и твердой, а склон очень крутым, и на этот раз они каким-то чрезвычайным усилием, очевидно, вскарабкались наверх и скрылись.

Вот и все, что смог сообщить доктор Шульц. Тах со снотворной пулей в плече карабкается по горам. И если ты спросишь, почему снотворная пуля так и не подействовала на него (и все задают этот же вопрос), то дедушка считает, что Таха спасла его толстая шерсть. Но я не уверена. Может быть, у него хватило сил, чтобы найти удобное место и спрятаться там. А может быть, он ушел в горы и умер там. А может, доктор Шульц убил его, а потом сказал, что Тах исчез, хотя дедушка очень сердится, когда я говорю так. Это пока все, что мы о них знаем.

Но если Тах не умер где-нибудь на пустынной вершине горы, они, наверное, продолжают идти. Дедушка написал всем венгерским зоологическим обществам с просьбой поискать наших двух лошадей.

Как, по-твоему, Барьют, сколько они еще могут идти, даже если Тах и способен передвигаться? Теперь мне хочется, чтобы кто-нибудь поймал их, чтобы Таху была оказана по мощь.

Иначе...

Миссис Эванс зовет меня, чтобы я помогла ей мариновать огурцы с помидорами, я чувствую, как пахнет горячим маринадом.

Прими от всех нас большой привет и наилучшие пожелания, Барьют, а я обещаю немедленно написать тебе, если узнаю что-нибудь новое.

Твой, как прежде, друг

Китти.

P. S. Пока добавить нечего. Спешу. Обожаю маринованные огурчики миссис Эванс.

К

12

Здравствуй, Китти!

Когда тетя Серогли прочла нам твоё письмо, мы все согласились, что Таха необходимо поймать, чтобы остановить, иначе он погубит себя и Мушку.

И все равно, Китти, мы не можем не восхищаться Тахом. Папа все покачивает головой и повторяет: «Настоящий конь! Он будет идти и идти. Он скорее сдохнет, чем сдастся. На это способна только монгольская лошадь».

Но мама напомнила ему, что Мушка не монгольская лошадь и что она тоже продолжает идти. И еще мама сказала: «Наверное, только маленькая английская кобылка может быть так предана своему ДРУГУ».

Во всяком случае, не могу поверить, что Тах погиб. Он никогда не смирится. Он где-нибудь живой, но где?

Пока мы рассматриваем карту и надеемся на лучшее. Все наши шлют вам свой привет и, как всегда, особый привет от моей мамы твоей миссис Эванс.

Твой старый друг

Барьют

P. S. Мне тоже нечего добавить. Вообще-то не очень весело, правда? Пока больше написать нечего.

Б

13

Здравствуй, Барьют!

Просто невероятно! Этому трудно поверить, но спустя четыре месяца мы все-таки получили известие из Венгрии, и дедушка немедленно вылетел в Будапешт. Он уже вернулся. Но должна сказать тебе сразу: он не привез с собой ни Таха, ни Мушку. Он привез длинное письмо, в котором рассказывается обо всем, что с ними случилось.

Оно от венгерской девочки по имени Като Кошут. А поскольку будет лучше, если ты все прочтешь сам, я прилагаю копию перевода, который сделали в университете Свонси:

«Здравствуй, Китти Джемисон!

Твой дедушка все рассказал мне о твоей пони Мушке и диком жеребце Тахе. Поэтому я пишу тебе, чтобы ты поняла, как я отношусь ко всему тому

необычному, что произошло, и как я познакомилась с этими лошадьми.

Я — мадьярка и живу с родителями, зовут меня Като Кошут. Но живу я не в доме, так как мои родители работают в передвижном цирке шапито, разъезжая по стране зимой и летом. У нас есть карусели, качели, тир, акробаты, борцы и силачи. Мы выступаем с лошадьми (их две), а также катаем детей на пони.

Наш передвижной цирк очень старый, и наша семья испокон веков выступает в нем. Он очень известен в Венгрии, и каждый год из различных деревень приходит множество писем с приглашением на праздники, но у нас есть свой маршрут и расписание, так что все просьбы не исполнишь.

Теперь мы живем хорошо, потому что не приходится за все дорого платить, и налоги меньше, и к нам не относятся, как к бродячим цыганам. Нам везде разрешают ездить, только бы мы содержали наш цирк в чистоте. У нас все чисто и все сверкает, и мы учимся четыре дня в неделю по утрам и два дня по вечерам. На следующий год я начну изучать английский язык. Мой брат уже поступил в государственное цирковое училище. Как видишь, дел у нас много. Нам знаком почти каждый город, каждая дорога и каждая деревня в Венгрии, и везде знают нас.

Но хватит о нас. Я должна рассказать тебе о Мушке и диком коне, которого вы зовете Тах.

Случилось это так. Однажды наш цирк приехал в деревню Жиль, а за несколько дней до нашего приезда ее жители поймали одичавшего лохматого, но очень симпатичного пони. Таких пони они еще не видели. Поскольку никто в округе ничего не знал о нем или чей он, то они решили, что пони наш. Они знали, что только у нас были пони (на них мы катаем детей).

Жители Жили держали его за высокой стеной на заднем дворе местной фабрики, где изготавливают ящики для фруктов. Когда мой отец увидел пони, он сказал, что это не наш, и тогда в деревне начались споры по поводу того, что с ним делать. Мнений было много, но большинством решили отдать пони нам, если нам нужно, конечно.

— Лошадям, как и всем нам, нужны друзья, — сказал староста. — И этой лошадке тоже нужно быть среди лошадей, но не таких, как наши большие рабочие лошади, а среди маленьких, таких, как в цирке. Во всяком случае, Кошутам во время их поездок легче будет найти ее хозяев, если они есть. А кроме того, подумайте о тех ребятах, которые с удовольствием будут кататься на ней.

Так нашей семье досталась эта лошадка, и, как ты, наверное, догадалась, это была ваша Мушка. Староста предупредил нас, что она

дикая и никого не подпускает к себе. Она даже не позволяла накинуть на себя веревку. Отец сказал, что ее придется долго приручать и дрессировать, прежде чем катать на ней ребят. Но наша семья из поколения в поколение занималась дрессировкой лошадей, и мы решили, что это будет нетрудно.

Но дело оказалось труднее, чем мы думали. Мушка никому не подчинялась. Она лягалась и бросалась на каждого, кто пытался накинуть веревку ей на шею, и все решили, что она дикая и отбилась от какого-то дикого табуна. Но отец сказал: „Нет, она когда-то была ручной. Домашние лошади всегда смотрят по-особенному, и эта смотрит так же“.

Мне не разрешали подходить к ней, но однажды, когда все были заняты установкой шапито, я стояла у калитки и смотрела на нее. Вдруг она подошла ко мне и толкнула носом, как бы играя. Совсем как наши пони. Она разрешила мне погладить ее и даже почесать за ухом и, по-видимому, не хотела, чтобы я уходила.

Меня это так обрадовало, что я бегом бросилась на площадь, где перед церковью устанавливали наш цирк, и обо всем рассказала отцу. Закончив установку шапито, он отправился со мной ко двору фабрики. Оставаясь в стороне, он велел мне подойти к калитке. Пони подбежала ко мне и попыталась просунуть морду между жердями.

— Открой калитку и войди, Като, — крикнул мне издали отец.

Я вошла, и пони сразу подошла ко мне, начала толкаться носом и повсюду следовала за мной, пока я ходила по двору. Наверное, ее хозяйка была такая же девочка, как ты», — сказал отец. Но когда во двор вошел он, пони снова отпрянула и начала зло трясти головой. С этого все и началось. Я стала единственным человеком, который мог приблизиться к ней. Я назвала ее Куду, у нас это ласкательное имя для животных, но теперь буду называть ее Мушка. Мне Мушка разрешала делать все, даже завязывать веревку вокруг шеи и класть ей на спину маленькое седло, но верхом я не пробовала садиться. Она ни за что не соглашалась подойти к другим нашим лошадям и не хотела пастись вместе с ними на небольшом лугу, который выделили жители деревни. Она лягалась и кусалась и каждый раз убегала оттуда. Мой отец, который очень хорошо знает лошадей, заметил, что это неспроста.

— Наверное, где-нибудь поблизости находится ее друг или жеребенок, и она боится, что мы уведем ее вместе с табуном. Ясно, она не хочет покидать какую-то другую лошадь.

На следующее утро, когда все еще спали, а над подмерзшей за ночь землей расстилался туман, отец и мой брат вывели Мушку со двора и отпустили. Сначала, казалось, она не знала, что делать, но потом пустилась

рысью по дороге из деревни, а папа и брат следовали за ней верхом. Примерно через полчаса Мушка привела их к лесочку в долине, над которой проходил высокий железнодорожный мост. Она вошла под мост, заржала и стала ждать, и вдруг отец с братом увидели другую, неизвестно откуда появившуюся лошадь. Она, очевидно, пряталась под одной из арок моста.

Короче говоря, эта лошадь была так больна и так слаба, что едва могла двигаться. Отец еще никогда не видел такой лошади. Сначала он подумал, что это небольшой мул или дикий осел. Но когда разглядел получше, то понял, что это настоящая лошадь, очень больная и раненая. И хотя там было много травы, лошадь была очень худая и измотана. Она едва стояла.

Отец послал брата за мной, и я приехала на грузовике и привезла веревку. Мушка стояла спокойно и к другой лошади, которой, я теперь знаю, был Тах, не подходила.

— Нужно, чтобы ты увела Куду, — сказал отец. — Может быть, другая пойдет за ней.

— Хорошо, — ответила я.

— Я еще ни разу не видел такой лошади, Като, — предупредил отец. — Будь поосторожнее, по-моему, она дикая.

Он велел мне надеть веревку на Мушку, она не возражала, но когда я повела ее, она все время оборачивалась, чтобы посмотреть, идет ли другая лошадь за ней или нет. Как только дикая лошадь останавливалась, останавливалась и Мушка. Вот так, мало-помалу, мы вывели их на дорогу и медленно дошли до деревни. Но у самой деревни дикая лошадь легла, она слишком ослабела и не могла идти дальше. Мушка вернулась и осталась со своим товарищем.

Мы остались в деревне еще на два дня, но дикий конь так и не смог подняться и лежал на том же месте. Тогда отец пригнал туда всех наших лошадей и заставил их стоять вокруг дикого коня. Это им очень не нравилось. Отец сказал, что это потому, что они знали, что лошадь дикая. Но наши лошади не убежали, и дикий конь наконец поднялся и встал среди них, как будто чувствовал, что если он не встанет и не пойдет с ними, то умрет.

Только тогда нам удалось его хорошенько разглядеть. Он был ужасно изранен. Вся грудь, передние ноги и шея были в глубоких порезах, покрытых запекшейся кровью и мухами. Все левое плечо в крови, а на задних ногах такие глубокие порезы, что видно кость. Страшно было смотреть.

— Он жив просто чудом, — сказал отец. — Крепкий, должно быть,

конек.

Вместе с нашими лошадьми мы привели его в наш деревенский загон. Как только он оказался на нашем маленьком лугу, он опять лег. К этому моменту уже вся деревня хотела посмотреть на эту необычную лошадь. Кое-кто считал, что ее лучше пристрелить, чтобы окончить мучения. Услышав это, я ужасно рассердилась и бросилась к отцу, умоляя его заступиться, и отец ответил, чтобы я не беспокоилась.

— Мы не дадим никому застрелить его. Во всяком случае, когда он поправится, он очень пригодится для цирка. Посмотри, как все заинтересовались этой необычной лошастью.

Но как мы могли ему помочь? Он никого не подпускал к себе, даже лежа. Если к нему подходили, он пытался вскочить, был готов лягаться и кусаться, и Мушка тоже начинала лягать и кусать всех, кроме меня. Поэтому решили, что сначала надо мне попытаться подойти к нему. Это, правда, было нелегко, и я очень нервничала. Он был таким необычным. Но я собралась с духом и очень осторожно пошла к нему, а папа и брат были наготове с двумя палками на всякий случай. Мушка начала издавать короткие фыркающие звуки, как будто успокаивая его, и, когда я совсем приблизилась к дикому коню, он не пытался укусить меня или вскочить.

Вот тут-то я и увидела, что у него из плеча торчит что-то.

— У него в плече маленькая стальная стрела! — крикнула я отцу. Я тогда не знала еще, что это такое.

— Посмотри, не сможешь ли ты выдернуть ее, но будь осторожной. Нет, подожди! Я возьму веревку.

Из грузовика он достал моток веревки и бросил мне, сказав, чтобы я привязала конец к стреле, а он потом дернет.

Конь все время смотрел на меня, и в его взгляде было столько дикого и злого и в то же время столько боли и беспомощности, что я чуть не заревела. Я догадывалась, что он, очевидно, очень страдает от боли. Поэтому я начала ласково говорить с ним, а Мушка все время успокаивающе фыркала. Наконец мне удалось привязать веревку к стреле.

— А теперь отойди! — крикнул отец.

Осторожно натянув веревку, он сильно дернул. Бедный конь вскрикнул от боли, но стрелу удалось выдернуть. Это была страшная вещь с зазубринами, как на рыболовном крючке. Мы не могли понять, кто же выстрелил в него этой гадостью. И зачем?

Но промыть или перевязать его ужасные раны было невозможно. Отец не разрешал мне дотрагиваться до дикого коня, хотя мне и, очень хотелось. (Должна сказать тебе, Китти, что я хочу стать медсестрой, но боюсь, что из

этого ничего не получится, так как, по-моему, я не очень способная. И потом мы никогда долго не остаемся на одном месте, что тоже мешает. Я иногда по ночам плачу, потому что хочу учиться в большой больнице, мимо которой мы проезжаем дважды в год у города Сегеда. Находясь там, я могла бы видаться с родителями и нашим цирком, когда они будут проезжать мимо.)

Хотя мы и вытащили стрелу из его плеча, дикий конь сразу не поправился, и из-за него нам пришлось задержаться. Но отец хотел убедиться, что коню лучше. Вообще-то мы догадывались, что дикий конь будет вести себя спокойно, пока с ним Мушка. Мы начали обычные зимние гастроли, и они оба оставались с нашими лошадьми. Наш путь был на восток, и теперь, когда мы повидались с твоим дедушкой, понимаем, что дикий конь не убежал потому, что мы двигались в нужном ему направлении. Наверное, если бы мы ехали на север или на запад, он бы ушел, независимо от того, насколько он был слаб или болен. И увел бы с собой Мушку.

В общем, Китти, в конце концов я научила Мушку катать детей, и она делала это охотно, хотя все еще никому, кроме меня, не позволяла ухаживать за ней. Тем временем дикий конь, находясь среди других лошадей, медленно поправлялся. И хотя он прямо сбесился, когда мы первый раз увели Мушку на тренировку, потом успокоился, когда понял, что она каждый раз будет возвращаться. Но до сих пор никто так и не приблизился к нему и не дотронулся до него. Даже я. Когда он был с другими лошадьми, то всегда стоял один или, вернее, лежал один, потому что прошло много времени, пока он смог как следует стоять. Твой дедушка объяснил нам, что снотворная стрела медленно отравляла Таху кровь.

Пока мы гастролировали, дикому коню становилось все лучше и лучше, и он делался все беспокойнее, непрерывно кружась вдоль забора. Твой дедушка спрашивал, как нам удалось пересечь Дунай и почему никто не остановил нас, несмотря на то, что на всех мостах было дано распоряжение искать Таха и Мушку.

Все было очень просто. Около деревни Такс есть паром, что-то вроде плавучего моста, который передвигается при помощи дизельных моторов. Мы всегда им пользуемся, потому что он находится на нашем обычном маршруте. Лошадей никто не заметил, так как никто не ожидал, что они переправятся через Дунай таким путем.

После переправы мы начали устанавливать цирк в деревне Дунапартай и только тут заметили, что дикого коня не было в загоне вместе с остальными лошадьми. Он сбил несколько жердей и убежал. Мы все

обыскали, но не смогли его найти. В Дунапартае мы провели четыре дня и даже задержались еще на день, но в конце концов уехали одни, что нас очень опечалило. Но что нам оставалось делать?

На следующий день, когда мы ехали по дороге в Кишкош, я выглянула из фургона и увидела его, бегущего за нами по заснеженной обочине. Мы попытались поймать его, но он не давался. Он держался на расстоянии, и мы решили не трогать его.

— Нет смысла гоняться за ним, — сказал мой Отец. — Пока его подружка здесь, он не отстанет.

Тах продолжал повсюду следовать за нами. Когда мы делали остановки в деревнях, он прятался где-то за околицей. Однажды мы целую неделю не видели его. Но он всегда появлялся, когда мы уезжали. Так продолжалось, пока мы гастролировали по восточной Венгрии и не прибыли к границе с Украиной, самой отдаленной точке в нашей стране. Отсюда мы всегда поворачиваем обратно на запад.

Первую ночь, когда мы уже направились на запад, мы провели в деревне Нагдед, знаменитой своими вишневыми садами. В одном таком небольшом саду нам и разрешили попасть лошадей, и тут мы проявили небрежность в отношении Мушки.

Что произошло? А то, что утром, когда мы пришли за ней, ее в саду не оказалось. Обыскав занесенный глубоким снегом сад, мы обнаружили следы, которые вели к глубокому каналу, примыкавшему к саду. Мы были уверены, что лошади не перейдут через него, он был очень глубокий, и вода в нем не замерзла. Но в то утро мы обнаружили, что в одном месте канал все-таки замерз, и именно там мы увидели на снегу следы. Тах пришел в сад по льду и увел Мушку.

Мы обыскали поля, леса, сады, но не могли найти их, и, хотя нам помогали все жители деревни, через четыре дня мы отказались от поисков.

Больше мы не видели ни Мушку, ни дикого коня. Они просто растворились в нашем белом венгерском снегу. Пока они не ушли, мы и не подозревали, как полюбили и привязались к ним обоим. По-моему, я полюбила Мушку так же, как и ты, хотя и знала ее не так уж долго. И так же, как и ты, плакала о ней. Но вся беда в том, что я тогда не знала, чья была Мушка и откуда они с Тахом пришли. Они так и ушли, как пришли, — никуда.

Только несколько недель спустя, когда нужно было показать одну из наших лошадей ветеринару в Мишкольце, отец рассказал о двух необычных лошадях. Ветеринар очень разволновался и немедленно позвонил в Будапешт. А через четыре дня из Лондона прилетел твой

дедушка, чтобы встретиться с нами. От него-то мы и узнали историю Мушки и Таха, дикого коня.

Твой дедушка провел у нас целый вечер, рассказывая про обеих лошадей и про тебя, Китти. Он попросил меня написать обо всем, что произошло, что я и сделала при помощи нашей учительницы, написав тебе по-венгерски. Может быть, я многое пропустила, но, по-моему, сообщила все самое важное.

Зная теперь, что дикий конь идет домой, в Монголию, мы думаем, что он и Мушка уже пересекли Карпаты (холодные и замерзшие) и находятся теперь где-нибудь в украинских степях, которые тоже холодные и замерзшие.

Сообщи мне, пожалуйста, когда ты или твой монгольский друг что-нибудь узнаете о них. Твой дедушка обещал написать моему отцу, если будут новости. Тах был таким страшным и больным, когда мы впервые увидели его, что вряд ли мог поправиться, хотя мы все жалели его. Но как только он стал поправляться, все в нашей семье просто влюбились в него и восхищались им. По-моему, это оттого, что чувствовали — у него было что-то на уме, какая-то цель, по сравнению с которой все остальное ничто.

Я буду рада, если ты мне напишешь. Пиши по-английски. Мы найдем кого-нибудь, кто переведет. В наших деревнях многие жили в Америке, Австралии, Канаде и даже в Англии. Один человек в деревне Дьома десять лет прожил в странной стране, которая называется «Остров человека» и где у кошек нет хвостов. Ты знаешь про эту страну? Этот человек — пекарь.

Привет тебе, дорогой друг Мушки и Таха, друг всех диких животных.

Като Кошут.

P. S. Я записала все адреса, по которым ты можешь написать мне, на отдельном листочке. Ты, пожалуйста, приколи его внутри того сундука, где держишь свои платья. Я всегда так поступаю со всеми важными вещами, если боюсь потерять их».

От этого грустного письма, Барьют, я почти онемела. Но если Тах и Мушка теперь находятся на Украине, то они уже ближе к тебе, чем ко мне. Пожалуйста, постарайся разузнать что-нибудь о них. Тебе, наверное, это удастся лучше, чем мне.

Мне больше нечего добавить. Я просто не представляю, как они смогут пересечь эти широкие, белые, морозные степи и огромные реки, которые текут на Украине. По карте это почти полмира. Дедушка написал двум профессорам в Киев, столицу Украины, и мы поэтому надеемся, что кто-нибудь там поищет наших лошадей.

К.

Здравствуй, Китти!

Когда наш друг Грит прочел твое последнее письмо (он теперь читает по-английски), сидя в грузовике, он соскочил на землю и сказал: «Она совершенно права, Барьют. Они почти на полпути к дому! Понимаешь?»

Он так разволновался, что сразу же помчался в Улан-Батор к своему профессору спросить, знает ли тот, что Тах и Мушка находятся на Украине. Профессор ответил, что, конечно, знает. Твой дедушка уже известил его телеграммой. И профессор в Улан-Баторе уже обещал ему сделать все возможное и найти Таха и Мушку.

Но я не очень-то оптимистически настроен, Китти. У нас в Монголии есть поговорка: «Не предсказывай событий, пока они не случились». Это то же самое, что по-английски: «Не считай цыплят, пока они не вывелись». Эту поговорку я узнал сам. Моя тетьа говорит, что я делаю в английском успехи, но только у меня плохая память. Во всяком случае, нам остается ждать.

Грит сам хотел лететь на Украину и отправиться на поиски Таха и Мушки. Но это ничего не даст. Откуда ему начинать поиски?

Прочтя письмо Като Кошут, я надеюсь, что Таха и Мушку поймают, даже если они приближаются к дому. Слишком много бед случается с ними, и поэтому пусть их лучше поймают, чем они будут страдать от новых увечий или приключений.

Я немедленно напишу тебе, как только, что-нибудь узнаю. А пока всем привет. Остаюсь твой искренний друг.

Барьют.

P. S. В диком табуне на прошлой неделе родился еще один жеребенок, теперь их уже шесть. Как видишь, у табун начинает расти. Я пока еще не нашел тех пяти лошадей, но, может быть, я тогда ошибся.

Б.

Китти, здравствуй!

Наконец-то новости!

Но не знаю, что и подумать. Наверное, все случившееся было неизбежно. Очень бы хотелось, чтобы ты жила в соседней деревне, я бы тогда съездил к тебе спросить, что ты думаешь по этому поводу.

Первые сведения в Киеве (столица Украины) о Тахе и Мушке получили от путевой обходчицы на одной из железных дорог. Однажды снежной ночью, встречая поезд на одном холмистом и трудном участке (это входит в обязанности путевых обходчиков), эта женщина при свете вагонов увидела, как вдоль полотна скакали галопом две странные лошади.

Она сообщила об этом начальнику станции Умань, потому что бездомные животные представляют опасность для поездов. К счастью, машинист тоже их заметил и тоже сообщил об этом. Но эти сообщения в Киеве прочли только несколько недель спустя и догадались, какие это были лошади, но к этому времени Тах и Мушка опять исчезли.

Затем их видели в колхозе в районе города Черкассы. Они в течение двух или трех ночей укрывались от сильной метели за колхозной мастерской. Тах сбил дверь амбара, они поели овса и пшеницы и снова исчезли.

Следующее сообщение пришло с птицеводческой фермы Градского колхоза, когда перед двумя женщинами, присматривающими за гусями, откуда ни возьмись появились две не большие лошади и промчались мимо, распугав гусей (вот, наверное, была картина!).

Эти сведения были не очень важны, но они помогли украинским ученым определить, где находятся лошади. Поэтому Украинская академия наук специально послала профессора Немченко, чтобы он попытался поймать их. Они также пригласили Грита, который немедленно вылетел в Улан-Батор, оттуда в Киев а из Киева в Харьков, где и встретился с профессором Немченко.

Сначала Грит и Немченко (он тоже зоолог) старались найти следы лошадей, но это оказалось невозможным потому, что снег уже начал таять и украинские степи покрылись грязью, и передвигаться можно было только по шоссе. Проехать по мокрым полям было нельзя, разве что на тракторе, но все трактора были заняты на весенней пахоте. Казалось, что Таха и Мушку не найти.

— Остается единственное, — сказал профессор Немченко. — Нужно обратиться к Советской Армии, может быть, военные помогут нам.

— Каким образом? — спросил Грит. — Что они смогут сделать?

— Не знаю, — ответил Немченко. — Но у них есть вертолеты. И потом кто, кроме военных, сможет преодолеть покрытые грязью степи и вздувшиеся весенние реки, не нуждаясь в дорогах и мостах?

И вот Советская Армия, — вернее два ее подразделения, начали поиски Таха и Мушки, которые шли и шли, днем и ночью.

Военным потребовалась целая неделя, пока они не напали на след.

Наконец с вертолета заметили двух лошадей, укрывшихся в небольшой березовой рощице на берегу весенней разлившейся реки. Земля была так пропитана водой и грязь была такой глубокой, что нечего было и думать добраться туда на грузовике или на какой-нибудь другой машине. Тогда командир части решил послать туда два плавающих танка. Они пройдут повсюду.

Грит поехал на одном, а профессор Немченко на другом. Они хотели загнать лошадей в излучину реки, чтобы с трех сторон путь им отрезала вода, а с четвертой были солдаты.

Танки прибыли на место, когда уже стемнело, но Таха и Мушку обнаружить не удалось. Грит и Немченко догадались, что они пытаются найти переправу через реку. Тогда ученые разделились. Один поехал вдоль берега вниз по течению, а другой вверх. На танках были мощные прожекторы, и они, конечно, могли двигаться быстрее лошадей. Ученые также надеялись, что шум машин (да еще какой шум) напугает Таха, он побежит, и они его заметят.

Танк, на котором ехал Грит, освещал прожектором берег, а Грит стоял в башне и смотрел в бинокль. Но в течение двух часов они никого не увидели, кроме напуганных птиц и зайцев. Потом в луче прожектора мелькнуло какое-то пятно, и Грит догадался, что это Тах.

— Стой! — крикнул Грит водителю, и танк остановился. Грит попросил солдата не выпускать из луча прожектора убежавшую лошадь. Конечно, это был Тах. Но где же Мушка?

Сначала Грит подумал, что Тах просто в панике убегает, но потом заметил, что он бежит по большому кругу. Они следили за ним при помощи прожектора и наконец обнаружили, что Мушка находится в центре этого круга. Она по самое брюхо увязла в большой луже из черной грязи и не могла двигаться. Тах носился вокруг, из-под его копыт летели комки грязи, и он не то пытался отвлечь внимание от Мушки, не то хотел напасть на танк, чтобы защитить ее.

Во всяком случае, он не собирался покинуть увязшую Мушку.

— Мы нашли их!.. — прокричал Грит в микрофон рации, когда они связались с танком Немченко.

В ожидании Немченко танк Грита попробовал приблизиться к Мушке.

— Остановитесь! — крикнул Грит командиру танка.

— Зачем?

— Он нападет на нас!

Командир засмеялся. Он не верил, что лошадь может напасть на танк. «Не беспокойтесь, он нам ничего не сделает».

Но Грит кричал: «Поворачивайте! В сторону! Он же нападет на нас и убьет себя! Поворачивайте!»

Командир, увидев, что Грит прав и что Тах мчится прямо на танк, быстро развернулся и поехал обратно, а Тах в ярости бросился преследовать. Только отъехав на порядочное расстояние, они остановились, выключили прожектор и прислушались. И было слышно, как Тах зло фыркал и ржал.

— Подождем здесь до рассвета, — сказал Грит командиру танка, с облегчением вздохнув.

— Сумасшедший конь, — удивился командир. — Это же надо, а? — и засмеялся, представив, как его танк убежал от лошади.

Так они и прождали всю ночь, лишь иногда включая прожектор, чтобы убедиться, что Мушка не очень глубоко погрузилась в грязь. Она все пыталась выбраться, но Грит знал, что настоящую попытку Мушка сделает, когда рассветет, если только Тах не поторопит ее.

Как только забрезжил рассвет, Тах, очень беспокоившийся всю ночь, начал торопить Мушку.

Солдаты, которые теперь знали о долгом путешествии Таха и Мушки, очень хотели помочь ей, но нужно было поймать Таха, чтобы он не мешал, иначе к Мушке не подойти. Сначала они думали подкрасться к нему и накинуть веревку, но Грит объяснил, что Тах слишком умен, чтобы попасться, да это было и небезопасно. Возможно, им удалось бы поймать Таха при помощи колхозников, которые окружили бы его. Но когда совсем рассвело, Грит понял, что на таком открытом месте этого не сделать.

Тогда Грит решил вызвать вертолет с ракетной сеткой. Другого выхода не было.

Ракетные сетки применяются, когда нужно пройти по топкому месту, быстро замаскировать что-нибудь или просто вскарабкаться на разрушенное здание, крутой берег или склон. Сетка выстреливается ракетами из-под вертолета, и командир танка был уверен, что, если такую сетку набросить на Таха, он не ускользнет, попадется в нее, как рыба.

В восемь часов прилетел вертолет, и Грит по танковому радио объяснил летчику, в чем дело.

— Когда будете бросать сеть, — говорил Грит, — сделайте это так, чтобы конь был в самом центре и чтобы сеть полностью его накрыла, иначе он убежит. А поскольку мы уже знаем про печальный случай с забором из колючей проволоки, не хочется чего-либо подобного.

— Не беспокойтесь, — ответил летчик. — Мы можем поймать хоть слона.

Сначала вертолет просто висел над обеими лошадьми, что совершенно вывело Таха из себя. Он начал ржать, бить копытами, подбегал к Мушке, как будто требуя от нее, чтобы она скорее вставала. Но бедняжка Мушка только глубже ушла в грязь. Она жалобно заржала, понимая, очевидно, что самой ей не выбраться. Тах, наверное, это тоже понимал и почти сходил с ума.

Когда вертолет начал спускаться все ниже и ниже и от его огромных лопастей по жидкой грязи пошла рябь, Тах начал носиться кругами около Мушки, яростно трясая головой и собираясь лягнуть вертолет.

Грит по радио умолял пилота быть осторожным, не спешить. Он никогда еще не видел, как с вертолета выстреливается сетка, и был поражен, когда, хлопнув зарядами, большая квадратная нейлоновая сетка, развернувшись, полетела на землю.

— В яблочко! — крикнул по радио пилот.

Сетка накрыла Таха, подобно огромной ладони, и под ее тяжестью он сначала упал на колени, а потом и на бок. Он яростно ржал, бешено брыкался и щелкал зубами, но чем больше сопротивлялся, тем больше запутывался.

Но на этом дело не кончилось.

Сетка не только накрыла Таха, угол ее также упал на Мушку. От той силы, с которой сеть была брошена, и под ее тяжестью Мушка еще глубже погрузилась в грязь. Теперь на поверхности оставалась только ее голова.

— Скорей, — крикнул Грит командиру танка. — Давай к ней поближе!

Но мотор танка за ночь остыл и не сразу завелся. Вертолет все это время висел над Мушкой, и летчик по радио советовал поторопиться. Он предложил попробовать при помощи крюка, которым они подбирают сетку, приподнять угол, упавший на Мушку. Попытка удалась.

Теперь оба танка подъехали к Мушке как можно ближе, и по брезентовым чехлам, брошенным на грязь, один из солдат — подобрался к ней и крикнул, что она с трудом дышит. Очевидно, грязь сильно сдавливала грудь Мушки. «Она, пожалуй, долго не продержится», — сказал солдат, вернувшись к танкам.

Грит неистовствовал не меньше Таха. По твоим письмам, Китти, мы все так полюбили Мушку, и для Грита она, конечно, была так же важна, как и Тах.

Грит потом рассказывал, что в тот момент он думал: «Чем же она провинилась, эта милая маленькая английская лошадка, чтобы заслужить такую судьбу? Что делает она здесь, так далеко от дома?»

К этому моменту Грит разглядел, что большая лужа, куда провалилась

Мушка, была на самом деле маленьким старым прудом. Огромный кусок чернозема, пропитанный весенней талой водой, обвалился и превратил прудок в топкое болотце. Это означало также, что он был глубже, чем казалось, и что Мушка исчезнет в нем целиком, если ее немедленно не вытащить.

— Единственное, что поможет, это поднять ее прямо вверх, — предложил солдат, который подползал к Мушке. — Она не может двинуться ни вперед, ни назад, и мы тут ничего не сделаем.

— Тогда, — решил Грит, отвечавший за всю операцию, — надо, чтобы вертолет опустил меня к ней, я подсуну один из чехлов ей под брюхо, а вертолет вытащит ее.

Дело было довольно рискованным, но ничего другого не оставалось. С вертолета опустили стальной трос с ремнями, которые Грит застегнул на себе. Поддерживаемый тросом, он подполз к Мушке и ногами подсунул под нее брезентовый чехол. Вертолет приподнял Грита и перенес на другую сторону от Мушки. Но достать брезент ногами Грит не смог, и ему пришлось совсем погрузиться в грязь, чтобы протянуть чехол у Мушки под брюхом.

Это был смелый поступок. А что, если бы отцепился трос или Мушка придавила Грита? Это же была не вода, а густая клейкая бездонная грязь. По команде командира танка пилот вертолета подтянул трос, и из грязи показались голова, плечи, а потом и руки Грита, державшего брезент.

Вертолет вытащил Мушку, и она повисла под ним. Казалось, все в порядке. Но Грит знал, что она немедленно убежит, как только ее освободят, и поэтому, пока она еще висела в воздухе, он спутал ей ноги. Только тогда ее опустили на землю.

Теперь настала очередь заняться Тахом, который все еще бился под сеткой. Гриту вместе с солдатами удалось крепко связать ему ноги, и только после этого сняли сеть.

За хлопотами никто и не заметил, что настал полдень, и когда вертолет приземлился, то все солдаты, летчики, Грит и профессор Немченко решили поесть, а один из солдат, отложив еду, стал смывать с Мушки грязь.

Потом лошадей погрузили в вертолет, который отвез их вместе с Гритом и Немченко в военную часть. Там Мушку и Таха посадили за высокий забор.

Они и теперь там, Китти. Это примерно в четырехстах километрах на восток от того места, где их поймали. Грит говорит, что Тах весь покрыт ужасными шрамами, не только на груди, но и на брюхе, на крупе и на голове. Он потерял половину своего хвоста, а на плече, куда попала

снотворная стрела-пуля, до сих пор незажившая гноящаяся рана. Мушка нигде не пострадала, но очень худа и слаба, а ее копыта совсем стертые и потрескались. На ее хвост тоже жалко смотреть, как будто его кто-то вырвал. Пшеницу и овес она не ест, а только сено.

Конечно, как только Таха освободили, он начал носиться по кругу, отыскивая лазейку для побега. Но Грит говорит, что из-за этого забора не убежишь. Их там подержат некоторое время, а потом переведут на карантинную станцию в Никольском, которая находится еще триста километров на восток. Там их проверят, нет ли у них каких-нибудь болезней, а это займет много времени.

Вот так обстоят дела, Китти. Мы с Гритом целую неделю писали тебе это письмо. Скоро вы получите обратно Таха и Мушку, и, пожалуйста, сразу же напиши мне, когда они придут. И конечно, сообщай обо всем, что они будут делать, и как ты находишь их вид и характер. Напиши как можно точнее о том, что будет делать Мушка, когда увидит тебя.

С радостным приветом остаюсь твой друг
Барьют.

Р. С. Грит считает, что Мушка очень милая лошадка. Он рассказал солдатам о том, какой Тах умный и упорный, и предупредил, чтобы они были осторожны. Они ответили, что понимают, но Грит думает, что они все-таки недооценивают Таха, как и все, кто с ним сталкивался. Он также считает, что дикий Тах знает, что он близко от дома, и теперь будет еще больше стараться вырваться на свободу, придумывая все новые уловки и используя старые. Поэтому мы с нетерпением ждем, когда твой дедушка придет и заберет их из карантина и привезет в ваш заповедник в Уэльсе, где они будут в безопасности.

Б.

16

Милый Барьют!

Миссис Эванс даже всплакнула, когда я читала вслух твое письмо, а дедушка стонал от боли. Я же вздохнула с облегчением, потому что, по моему, Мушка долго не выдержала бы, если бы они продолжали свое путешествие.

Мы сейчас готовимся к их приезду. Дедушка распорядился, чтобы изгородь была везде усилена и поднята еще на три фута. Все каменные стенки проверили и укрепили цементом, на всех местах и проходах

установили вторые ворота.

Ты помнишь Питера из Вороньего гнезда? Теперь у него три наблюдательных поста, и он может видеть все долины и леса. У нас еще есть несколько красных оленей.

Остается теперь только с волнением ждать возвращения наших беглецов.

Но у меня есть еще один повод для волнений. Через месяц мой отец возвращается домой. Еще не совсем, а только на полтора месяца. Насовсем он придет только в будущем году. Наверное, он меня не узнает. Он ведь почти меня не видел. Поэтому я немного нервничаю. Не знаю даже, как быть. Я, пожалуй, никогда не смогу расстаться с дедушкой и миссис Эванс. Хорошо бы, ты жил в соседней деревне, тогда мы могли бы встречаться где-нибудь на полпути и обсуждать все дела. В школе у меня много друзей, но с ними я почему-то не могу говорить на серьезные темы. Мне кажется, что ты понял бы меня, но на каком языке нам с тобой разговаривать? С монгольским у меня ничего не получается. Наверное, нам придется говорить на «монглийском».

Вот такие у меня дела, и я, пожалуй, закончу, а то начинаю расстраиваться. Жизнь становится все сложнее, верно? А я думала, что она будет все проще и проще. А когда исполнится, двадцать пять или двадцать шесть, или даже больше? Страшно представить.

Я сразу же напишу тебе, как только узнаю что-нибудь о Тахе и Мушке.

Всем привет.

Китти.

17

Здравствуй, Китти.

Опять беда! Не могу понять, почему все получается не так. Я даже не знаю, в чем дело, но Грит опять уехал. Вчера. На Украину. Что-то случилось, но ему ничего не объяснили. Просто сказали, чтобы он как можно скорее приехал на карантинную станцию.

Грит не хотел уезжать, так как дикий табун недавно попытался уйти. Они, наверное, понимают, что заперты в заповеднике. Наши ученые потратили много времени, закрывая им пути бегства, устраивая завалы и даже возводя стены. Старый вожак наконец умер, а молодой, занявший его место, недостаточно умен. Он гоняет табун галопом с одного места на другое без всякого смысла. Жеребята и старые кобылы не успевают, и

табун может расколоться. Они. ведь измотают себя еще до зимы и многие погибнут, когда наступят холода.

Вот поэтому Грит и беспокоится о них. И тайно желает, чтобы Тах вернулся. Уж он-то знал бы, что делать.

Вот все, что могу тебе сообщить, Китти, пока не получу известий от Грита.

Остаюсь твой верный друг
Барьют.

18

Милая Китти

Я ничего не хочу сказать плохого о тех людях, но я был уверен, что чем больше они будут перегружать Таха с машины на машину, и переводить из загона в загон, тем больше у него будет шансов ускользнуть.

Это случилось, когда лошадей перевозили с аэродрома на карантинную станцию в Никольском, как раз за Волгой. Военные привезли их на ближайший аэродром в большом транспортном самолете, так как для вертолета это было слишком большое расстояние. Со станции прислали грузовик, оборудованный для перевозки лошадей, и хотя и водителя, и зоотехника предупредили о хитрости Таха, они не представляли, насколько он умен. Когда они перевели его в грузовик, ноги ему снова не связали, думая, что это не нужно, раз он в закрытом грузовике.

Проехав около тридцати километров, они услышали, что он бьет копытами в борт, и решили проверить, в чем дело.

Их строго предупредили, чтобы они не входили к Таху, и зоотехник решил только приоткрыть задний борт и взглянуть. Этого было достаточно. Не успел он откинуть запор, как Тах ударил по борту. Ушибленный зоотехник упал без сознания, а Тах тотчас выпрыгнул. Фыркая, он подождал Мушку, потом, нагнув голову, бросился на шофера, выскочившего, чтобы помочь своему раненому товарищу. Сбив его с ног, Тах и Мушка умчались через кукурузные поля и исчезли. Больше их никто не видел.

Директор карантинной станции сделал все, чтобы организовать поиски, но им все же пришлось послать за Гритом. Они надеялись, что Грит проконсультирует их о поведении дикой лошади, так как они не могли найти никаких следов Таха и Мушки. Грит мог только подсказать, что они прячутся днем, передвигаются ночью и что Тах будет идти на восток, все

время на восток, домой.

Это случилось три месяца тому назад.

За это время обыскали каждый уголок к востоку от Никольского, каждое потаенное местечко. Предупредили колхозы, деревни, железнодорожные станции, снова обратились за помощью к военным. Обшарили все поля и леса на машинах, верхом и даже на вертолетах. Непрестанно работал телефон, но Тах и Мушка как — сквозь землю провалились.

Вот такие новости, Китти. Местность, где теперь находятся лошади, открытая, но деревни встретишь редко. Если Тах с Мушкой будут идти дальше на восток, то скоро окажутся в казахских степях, а потом и в горах Киргизии, где их вряд ли удастся поймать. Это очень дикие места, там разводят лошадей, хотя травы не так уж много.

На этот раз, Китти, я очень надеюсь, что Тах дойдет до наших гор. И что их не поймают.

Скоро я покину наши горные пастбища и в сентябре поеду в город Кобдо, где буду заканчивать десятилетку. Ты, наверное, не представляешь, что мы переписываемся уже почти два года. Просто не верится. Кажется, что все это началось только вчера.

С самыми лучшими пожеланиями остаюсь твой старый друг

Барьют.

Р. С. Что случилось с твоей собакой Скипом? Ты больше о нем не пишешь. Надеюсь, с ним все в порядке. Мой пес (его звали Хан) погиб в мае, когда гонялся за перепелками. Он был веселый и добрый, всегда улыбался, копал ямки и вилял хвостом. Даже умирая, он пытался вильнуть им, как будто прося нас не расстраиваться, а глаза у него были печальные-печальные. Он попал под трактор, сгребавший скошенную траву. У нас не хоронят собак. «Их должно похоронить солнце» — так у нас говорится. Но моя сестра Миза и я решили его похоронить. Ночью мы поехали в горы и похоронили Хана так, как наши предки хоронили своих любимых лошадей — своих лучших друзей. Бедняга Хан. Он был всегда такой радостный, что я порой завидовал ему.

Б.

Дорогой Барьют.

От тебя ни слова за четыре с половиной месяца.

Что происходит? Ты ждешь известий? Или они настолько плохи, что ты не хочешь сообщить мне? Дедушка был просто вне себя, когда прочел твое последнее письмо. Он тоже был уверен, что они недооценят хитрость и упорство Таха.

Пожалуйста, пиши, как только что-нибудь узнаешь. Любое.

С приветом

Китти.

Милая Китти!

Я был очень занят, зубрил физику, готовился к контрольной по химии, да к тому же тетя Серогли уезжала в командировку, в Свердловск, в институт иностранных языков. Поэтому и не писал.

Грит вернулся домой после четырехмесячных поисков, которые проводились с самолетов и вертолетов, на машинах, тракторах, верхом и пешком. Он думает, что они погибли где-нибудь в Казахстане от истощения или от ядовитых корней. Могли они умереть и от недостатка еды или воды. Он говорит, что в диких казахских степях они могли погибнуть от тысячи причин. Там на каждом шагу опасность. Но точных сведений нет.

Твой друг

Барьют.

Дорогой Барьют!

На этой открытке изображен Тауэр в Лондоне. Я приехала в Лондон на четыре дня с женщиной, которая, возможно, станет мне новой матерью. Я прочла в газетах, что в Монголии и в Китае в этом году очень суровая зима. С тех пор как Тах и Мушка исчезли последний раз, прошло уже шесть месяцев, и ты, наверное, потерял всякую надежду.

Но я никак не могу поверить в их гибель.

Привет.

Китти.

Здравствуй, Китти!

Эту открытку пишу по-английски сам. На ней изображен наш монгольский герой Сухэ Батор. Я покинул горы. Я учусь в школе № 4 в городе Кобдо. Зима у нас была самая холодная из всех зим, мороз в тридцать градусов. В наших местах погибло много лошадей, и из дикого табуна тоже. Тах и Мушка исчезли навсегда, что очень грустно. Уже прошло девять месяцев, как они исчезли. Должно быть, они погибли от ужасного холода.

До свидания, Китти.
Барьют.

Здравствуй, Барьют!

Пишу, чтобы сказать, что не могу перестать думать о Мушке и Тахе, даже если они погибли. Нет-нет да и всплакну по ним. Мне все кажется, что они где-то в холодном снегу стоят, прижавшись друг к другу, или замерзают в голых, пронизанных ветром горах. У меня теперь новая мама, она очень добра. Скоро я навсегда уеду из заповедника, увы, и буду жить в Портсмуте. Миссис Эванс очень огорчена. Про дедушку и не говорю. Вот и все, больше на открытке не помещается. Ты хорошо пишешь по-английски. Я начала сдавать экзамены. Трудно, ужас.

Привет.
Китти.

Милая Китти!

Наша Академия наук в Улан-Баторе получила сообщение о том, что геологи видели двух диких лошадей в сотне километров к западу от наших гор. Мне об этом сообщил Грит, который думает, что это могут быть Тах и Мушка. Но я сомневаюсь. Наверное, это две из тех пяти лошадей, которых не хватало в табуне. Помнишь? Думаю, это они.

Во всяком случае, напишу сразу же, если что-нибудь узнаю.
Искренне твой
Барьют.

Дорогой Барьют!

Если это наши, немедленно телеграфируй. Даже если это и так, невозможно поверить. Но я снова полна надежд и волнений. Дедушка говорит, что ты можешь послать телеграмму с оплатой у нас, если хочешь.

Жду. Твой друг
Китти.

Из Улан-Батора. Уэльс. Заповедник «Черные горы». Мисс Китти
Джемисон.

Дорогой друг. Тах Мушка определенно появились в наших горах. Ищем. Подробности после выяснения. Очень взволнован.

Твой друг
Барьют.

Дорогая Китти!

Вот и невероятная, как всегда, история, как и все, что касается Таха и Мушки. Рассказывать ее слишком трудно и больно, но это необходимо сделать, и ты не представляешь, как это грустно.

Пятого марта другие геологи, которые проводили работы в наших горах, сообщили по радио на базу, что они видели двух лошадей, с трудом шедших по одному из длинных ущелий.

Когда об этом узнали у нас (я был дома на каникулах), все решили немедленно мчаться в ущелье, чтобы найти этих лошадей. Брат, сестра, отец, дяди и даже мама с бабушкой — все хотели ехать. И конечно, тетя Серогли. Но всем поехать было нельзя, и отправились только четверо: отец, Грит, тетя Серогли и я.

Выехав рано утром, мы к исходу дня достигли самого дальнего края длинного ущелья, одновременно с нами там появился и дикий табун. Дикая лошадь очень беспокоилась, как будто знала, что что-то происходит. Молодой вожак носился кругом, как будто был цирковой лошадью, а потом неожиданно повернул весь табун обратно, и они ускакали.

Минут через десять появились Тах и Мушка. Не могу сказать, Китти, что я пережил. Это было слишком много для всех нас. По щекам тети Серогли бежали блестящие слезинки.

— Так вот она, эта милая английская кобылка, — сказал мой отец. — Вот она, маленькая верная подружка, — все твердил и твердил он.

Ты так много писала о Мушке, что мы знали ее так же хорошо, как собственных лошадей. Больше того! Мы все сразу подумали о тебе, Китти. Каждый из нас.

— Да она же вот-вот родит, — вдруг воскликнул Грит.

Мы тоже все это заметили. А Тах стоял рядом, прятал ушами, помахивал головой, и у него был совершенно беспомощный вид. Мушка была очень толстой, двигалась очень медленно и с большим трудом. На нее было больно смотреть. Наконец она опустилась на колени, а потом легла на бок. Тах потолкал ее мордой и вдруг помчался по долине, вскидывая голову и оглушая воздух агрессивным ржанием. Потом он поднял голову вверх и издал нечто среднее между громким фырканием и криком.

— Ему придется сразиться с молодым жеребцом, если ему нужен весь табун. И он знает это, — сказал отец.

— Может быть, ему нужна только Мушка, — предположила тетя

Серогли. — Может быть, он не хочет присоединяться к табуну. Они просто будут держаться вместе.

— Нет, ему нужен табун, — ответил отец. — Посмотри на него.

Тах скакал по кругу, как будто объявляя это место своим и в то же время подбадривая и разжигая себя. Когда мы уезжали, Тах отправился осматривать свои владения, а Мушка осталась на месте, как будто только это ей и оставалось. А еще терпение.

Нас, конечно, встретили тысячью вопросов, и, наконец, достав большую карту, мы определили их путь домой. И хотя все восторгались упорством Таха, мы не могли не удивляться, как твоя домашняя маленькая английская кобылка совершила с ним это невероятное путешествие.

А потом все начали спорить о том, как с ними поступить. Отправлять ли Таха обратно в ваш уэльский заповедник? Или Мушка вернется, одна? А жеребенок? Ему нельзя оставаться в диком табуне, так как он не чисто дикий. Он же наполовину шотландский пони. Мы, правда, знали, что наше мнение еще ничего не значит.

Решать-то будут ученые.

Наконец моя сестренка Миза спросила отца, когда, он думает, Мушка должна принести жеребенка.

Когда отец начинает большим пальцем потирать свои черные усы, мы знаем, что не все в порядке.

— Ну? — поторопила его мама.

— Я думаю, что английская лошадка родит своего жеребенка завтра или послезавтра. И мы должны быть очень осторожны, чтобы не беспокоить ее. Очень, очень осторожны.

Мы уже знали, его что-то беспокоит, но он больше ничего не хотел говорить. На следующий день мы вместе с отцом и Гритом поехали посмотреть, все ли с Мушкой в порядке, и когда, подкравшись по склону холма, заглянули в долину, то увидели там весь табун. Впереди, прямо напротив Таха, стоявшего рядом с Мушкой, находился вожак.

— Сейчас они будут драться, — прошептал Грит.

Молодой вожак начал суетиться вокруг табуна, как бы погоняя его. Все его послушались, кроме Таха и Мушки. Она была на ногах, но казалось, что лопнет, если сделает хоть шаг. Голову она опустила и выглядела усталой. Тах просто стоял рядом, наблюдая, что делает жеребец-вожак. Их стычка должна была стать первой пробой сил.

— Теперь или никогда, — прошептал я, следя за Тахом.

Не успел я этого сказать, как вожак двинулся на Мушку сзади, заставляя ее идти за табунном, но на его пути оказался Тах, низко опустивший голову.

Он так сильно лягнул жоака, что тот едва не упал. Оправившись, он попытался лягнуть Таха, но тот, отпрыгнув в сторону, бросился на молодого жоака. И снова едва не сбил его с ног, причем проделал это молниеносно.

— Удивительно! — воскликнул отец. — Никогда еще не видел, чтобы лошадь двигалась так быстро.

Вожак опять попытался заставить Мушку подчиниться, но Тах с такой яростью набросился на него, что тот взвизгнул от боли. Тут-то и должно было начаться настоящее сражение, но вместо того, чтобы воспользоваться преимуществом и догнать жоака, Тах остался рядом с Мушкой, сердито тряс головой. Молодой жеребец пофыркал, побил копытом, но больше не нападал. Пофыркав еще, он медленно отошел и поскакал за табуном. Тах не погнался за ним, он вообще не двинулся с места.

— Он знает, что с кобылкой не все в порядке, — сказал отец.

— А что с ней? — спросил я, все время догадываясь, что он что-то скрывает.

— По-моему, Мушка повредила себе живот и родить жеребенка ей будет очень непросто.

— Мы не сможем ничем помочь? — спросил Григ.

— Ни в коем случае нельзя беспокоить или пугать ее.

— Но если мы осторожно...

Отец отрицательно покачал головой:

— Если мы пойдем вниз, Тах начнет беситься, и Мушка, возможно, попытается убежать. Это для нее опасно. Нам остается только ждать.

Действительно, мы ничего не могли сделать для нее. Мы целый день следили за ней. Мушка стояла неподвижно, а Тах бегал вокруг, ласково покусывая ее за гриву и за хвост. В тот вечер мы ехали домой грустные и обеспокоенные. Мы разглядели, насколько слабой и усталой она была, какой одинокой выглядела вдали от своих английских холмов.

На следующее утро мы вновь приехали в долину, но Мушки и Таха не было. Тах все-таки знал горы лучше нас, и, хотя мы очень тщательно все обыскали, найти их не смогли. Поиски продолжались и на следующий день, но безуспешно.

На третье утро, когда мы уже были готовы отправиться на новые поиски, прилетел вертолет.

— Я спросил в академии, могут ли они прислать нам вертолет, — пояснил Грит. — Думаю, что, если поднимемся повыше, мы не потревожим Таха и Мушку, зато найдем их.

Вертолет приземлился, мы, сойдя с лошадей, поднялись в кабину и

вскоре уже были над горами. Летела очень высоко, рассматривая каждое ущелье, каждую долину и лесок и наконец в два часа заметили черные точки на небольшой поляне.

— Это они! — прокричал Грит сквозь треск мотора.

Сначала мы не могли их как следует разглядеть, но пилот развернул машину так, что мы оказались прямо над ними, и даже с такой высоты было видно, что это Тах и Мушка.

— Мушка уже принесла жеребенка! — закричал я, разглядев на земле третью точку.

— Опуститесь ниже! — крикнул отец пилоту.

Теперь мы могли разглядеть Мушку, лежавшую на гальке, а около нее жеребенка. При приближении вертолета Тах, стоявший рядом, забеспокоился и начал носиться галопом вокруг Мушки. Жеребенок тоже попытался встать на ноги, но не смог.

Только Мушка не двигалась, и, Китти, потому, как она лежала, я понял, что она не живая.

— Мы опоздали! — в отчаянии закричал я. — Она умерла!

— Может быть, слишком утомлена и не может встать, — заметил Грит.

— Нет. Она мертвая, — печально подтвердил отец.

Я очень сочувствую тебе, Китти, и знаю, слова не помогут. Мушка умерла, мы видели, но мы также знали, что нам нужно торопиться, чтобы спасти ее жеребенка, иначе он тоже погибнет. Отец сказал пилоту, что необходимо приземлиться и забрать жеребенка.

— Если вертолет сядет слишком близко, Тах может попытаться унести его в зубах, — предупредил Грит, вспомнив случай, когда Тах так однажды поступил.

— Придется рискнуть, — сказал отец, — другого выхода нет.

Он попросил летчика посадить вертолет как можно ближе к трем лошадям, и, когда мы приземлились метрах в пятнадцати, подняв облако пыли и травы, Тах вышел из себя. Он метался между вертолетом и Мушкой, а когда мы вышли, бросился на нас, пытаясь лягнуть. Мы разбежались, размахивая халатами и пиджаками, чтобы отпугнуть его, а летчик выстрелил из ракетницы.

Но когда мы направились к Мушке и жеребенку, Тах уже вернулся к ним, схватил жеребенка зубами и бросил вперед раз, второй, третий.

Мы знали, так он может убить жеребенка, но чем ближе мы подходили, тем отчаяннее он становился. Мы все-таки надеялись, что он убежит. Но когда мы оказались метрах в десяти от бедной Мушки, Тах, оставив жеребенка, бросился к ней и попытался зубами поднять ее.

Это дало возможность схватить жеребенка.

Он был не больше крупной собаки, и наш рослый пилот, подхватив его, как ребенка, на руки, побежал к вертолету. Не успел он пробежать несколько шагов, как Тах бросился за ним. Он бы убил пилота, если бы догнал. Но мы продолжали размахивать халатами, кричать, один из членов экипажа опять выстрелил из ракетницы, это напугало Таха, и пилот смог благополучно добежать с жеребенком до вертолета.

Теперь нам нужно было отступать, а Тах преследовал нас и, когда мы взлетали, даже лягнул вертолет, оставив на металле две глубокие вмятины от копыт.

Когда отец осмотрел жеребенка в вертолете, мы поняли, что успели вовремя. Его глаза были подернуты голубоватой пленкой, и он бы не выжил без матери.

Что еще я могу сказать Китти?

Мы вымыли жеребенка, закутали его в теплую шкуру и поместили в одной из юрт. Мы сами кормили его. Каждый день он находился между жизнью и смертью, мы не знали, выживет ли.

Но ведь нужно было что-то делать с Мушкой и Тахом. Мы, коневоды, очень хорошо знаем, что лошадь может зачахнуть от тоски, если умирает друг или подруга. Столько раз мы видели это. Поэтому мы много думали о том, как поступить с Тахом.

Когда мы снова пролетали над долиной, то видели, что Тах все еще стоит около Мушки. Что ему оставалось делать? А что оставалось делать нам, кроме как похоронить ее в наших горах, в наших сухих желтых степях? Нам пришлось отгонять Таха, хлопая хлыстами, с палками наготове, пока рыли могилку твоей милой Мушке. Там она и лежит, и, надеюсь, ты простишь нашего дикого коня за то, что он увел ее так далеко от дома и что она умерла от истощения и страданий в нашей пустынной долине. Какая несправедливая плата за преданность!

А когда наш вертолет взлетел, Тах вернулся на то место, где была Мушка. Он знал, где мы ее похоронили. Копытами и мордой он пытался копать землю. Четыре дня спустя он еще был там, и мы сбросили ему сена. На одиннадцатый день он ушел.

Теперь мы уже знали, что жеребенок выживет. Он уже мог стоять, и пора было подыскать ему приемную мамашу, и мы решили заставить одну кобылу, у которой был уже свой жеребенок, «усыновить» нашего.

К сожалению, наши домашние лошади всегда догадываются, когда в жеребенке течет дикая кровь, и мы боялись, что будет трудно заставить кобылу принять его. Но жеребенок Мушки очень симпатичный,

послушный малыш, любит ходить за всеми следом, и он просто подошел к этой кобыле, как будто она его специально ждала. Она его разок куснула для острастки, и он тут же сунулся кормиться.

Вот почти и все, Китти, за исключением того, что неделю спустя Грит наблюдал неизбежную и окончательную схватку между Тахом и молодым вожаком. Конечно, победил Тах. Он лягался и кусался и попросту уничтожил его, хотя тот сражался храбро, но, как считает Грит, глупо и бестолково. В конце концов прежний вожак бежал. После этого Тах куснул всех лошадей в табуне, даже жеребят. Грит говорит, что он их даже лизал языком, но отец считает, что этого не может быть. Во всяком случае, Тах теперь хозяин табуна, в который он так хотел вернуться, и уже начал разыскивать лазейку, чтобы увести табун. Теперь для нас настанет трудное время. Бывший вожак вернулся в табун, и теперь все лошади вместе. Грит спросил в Академии наук, намереваются ли они снова ловить Таха, чтобы отправить его к вам. Ответа не было целую неделю, а потом из Улан-Батора приехали сразу пять ученых, чтобы посмотреть на нашего замечательного дикаря. Когда они узнали все подробности, то тут же решили, что бесполезно пытаться увезти Таха из его гор. Он всегда будет стремиться домой, независимо от того, куда его отправят. Значит, Тах остается с нами навсегда.

Мы сначала думали держать жеребенка в нашем домашнем табуне, но после обсуждения, в котором приняли участие все без исключения (вся наша семья, ученые, Грит и соседи), было решено отправить жеребенка к тебе, Китти. Мы хотим, чтобы он напоминал тебе о нас, а также о твоей кобылке Мушке, которая прошла через всю Европу и Азию вместе с Тахом. Она была преданной и храброй лошадей, а лошадь мы, монголы, ставим на первое место после хорошего друга.

Пока не знаем, когда отправим жеребенка. Наверное, тогда, когда он сможет перенести длительное путешествие и не будет нуждаться в своей приемной мамаше.

А пока надеюсь, Китти, что у тебя счастливый новый дом в Портсмуте. С нами случилось столько печального, и поэтому все доброе, хорошее и справедливое стоит многого, верно? Письмо это получилось грустным, и мне не хотелось писать его. Но, может быть, у него сбудет счастливый конец. Я надеюсь на это, Китти.

Всегда твой верный друг
Барьют.

Дорогой Барьют!

Я ревела, ревела, когда, прочтя половину твоего письма, догадалась, что случится с Мушкой. Я знала это! Хотя я давно уже не плачу, за исключением тех случаев, когда бывает что-нибудь очень плохое или несправедливое.

Тем не менее плачу про себя о Мушке, и каждый раз, когда приезжаю навестить дедушку и миссис Эванс (по субботам и воскресеньям), мне все кажется, что Мушка идет за мной. Наверное, я не смогу смотреть на наши холмы без того, чтобы не вспоминать, как мы поддразнивали друг друга, играя в прятки.

Я очень рада, что Мушка была верна Таху и в беде и в радости. Верность чему-то или кому-то очень важная вещь, не так ли? Дедушка говорит, что только что-то настоящее могло заставить их так держаться вместе. Он смирился с мыслью, что больше не увидит Таха. Но миссис Эванс прямо рыдала, когда я читала ей твое письмо, она сказала, что очень сожалеет, что иногда ругалась на Мушку. Дедушке пришлось сказать ей, чтобы она не «порола чушь». Она портила Мушку, как и все мы. Это немного успокоило ее. Мы все с нетерпением ждем, когда же наконец увидим жеребенка Мушки.

Мне нравится мой новый дом в Портсмуте, хотя я скучаю по заповеднику, по дедушке и миссис Эванс и мне их жалко. Правда, со мной Скип, и поэтому не так грустно. Но, наверное, все будет в порядке, когда я привыкну к отцу и мачехе. Они очень добры, понимают меня и стараются помочь. Хотя я сама не знаю, что со мной происходит. Если бы знать.

Вот, наверное, и все, что могу написать. Спасибо, тебе большущее за длинное письмо, даже за такое грустное. Обнимаю твою маму и тетю Серогли и благодарю ее за терпение и замечательные письма на английском.

Всегда твоя

Китти.

P. S. Я уже дважды каталась на лыжах, и родители собираются в будущем году взять меня в Швейцарию, что будет замечательно, если до этого я не свалюсь где-нибудь и не поломаю ноги. Ужасно нравится кататься на лыжах.

К.

Дорогая Китти!

Жеребенок, которого мы назвали Кич, был отправлен на прошлой неделе и прибудет в Англию самолетом пятнадцатого числа вместе с молодым вожакон, которого победил Тах. Мы решили отослать его твоему дедушке! Сообщи, когда Кич прибудет. Как бы мне хотелось приехать вместе с ним, чтобы повидать тебя.

Твой

Барьют.

Барьют, дорогой!

Жеребенок прибыл (а жеребец еще нет), и я просто хохотала до слез, когда его увидела. Он одновременно и страшенький, и хорошенький. Какая необычная помесь! И хотя я хохотала, это был не обидный смех. У него добрые глаза Мушки, но смешная борода, как у Таха, голова, как у Таха, и он фыркает, как Тах. Мне кажется, что он и ходит, как Тах, со всеми сердитыми повадками дикой лошади. Это ужасно смешно, потому что он такой ручной и ласковый. Даже ласковей Мушки. Миссис Эванс никуда его не отпускает. Она, наверное, поместила бы его на кухне, если бы дедушка не запретил. Она все время хлопочет вокруг Кича, а он ластится к ней и ко мне тоже.

Я очень часто думаю о тебе, наверное, из-за жеребенка, и мне, как никогда, хочется, чтобы ты жил поблизости. Я бы с удовольствием встречалась с тобой, и мы бы разговаривали. Так хочется поговорить с кем-нибудь. Не смог бы ты как-нибудь приехать, чтобы навестить меня и повидать жеребенка?

Не странно ли это, что наши две лошади смогли пересечь целый мир, пройти Европейский и Азиатский континенты, границы и высокие горы, борясь со снегами и бурями, топью и бедами, а ты и я только пишем друг другу?

Пожалуйста, постарайся приехать. Сообщи, не могу ли я сделать что-нибудь, чтобы это стало возможным. Правда, мне очень хочется увидеть тебя.

Твой вечный друг

Китти!

P. S. Пожалуйста, постарайся!

Дорогая Китти!

Конечно, я постараюсь приехать к тебе. Но, по-моему, тебе легче приехать сюда. Мы бы так тебя встретили, и вся наша семья была бы так

счастлива. Тогда я был бы уверен, все, что совершили Тах и Мушка, имеет смысл, раз ты приехала к нам. Я бы все тебе показал, и наши горы, и степи, мы бы могли скакать по нашим холмам, и никто бы нам не мешал. Может быть, мы даже поискали бы тех пятерых пропавших лошадей. Постарайся, Китти, а я обещаю сделать все, чтобы помочь.

Твой близкий друг
Барьют.

Дорогой Барьют!

В это трудно поверить, но, возможно (просто возможно!), что я смогу приехать к вам, если получу разрешение поехать с дедушкой. Я пристаю к нему и умоляю, и он наконец согласился попытаться устроить это. Может быть, я смогу приехать с ним. Не знаю. Но я стараюсь изо всех сил. Из всех сил...

Всегда твоя
Китти.

P. S. Посылаю тебе свою новую фотографию, чтобы ты не думал, что я такая же, как раньше. Ничто долго не остается таким же, особенно я. В этом-то и беда, по-моему. Все так быстро меняется. Непрерывно.

К.

Дорогая Китти!

Я попросил Грита помочь получить разрешение на твой приезд. Он обещает сделать все возможное. Сейчас он в Улан-Баторе, встречается с профессорами. Он клянется, что все для тебя устроит.

Твой
Б.

Дорогой Б.!

Никак не могу в это поверить, но все улажено.

Дедушка получил телеграмму из Улан-Батора, его приглашают на семинар по дикой лошади в Академию наук в Улан-Баторе. Они пригласили с ним и меня в качестве специального гостя. Значит, я скоро (невероятно!) увижу тебя. Я так счастлива, Барьют, что чуть не плачу от радости! Я чувствую, наверное, то же, что чувствовала Мушка, отправляясь в путешествие, в конце которого нас ждет что-то неизвестное. Интересно, что это?

Ты должен быть обязательно в Улан-Баторе, чтобы встретить меня. Если не встретишь, я этого не вынесу. Я просто не знаю, что буду делать.

Пожалуйста, приезжай, чтобы встретиться со мной.

Пожалуйста.

К.

Р. С. Кич наконец пробрался на кухню к миссис Эванс, и та уложила его в уголке и не дала бабушке выгнать. Пожалуйста, будь в Улан-Баторе, когда я приеду.

К.

Дорогая Китти!

Пишу по-английски. Я приеду на аэродром. Думаю о встрече с тобой. Не знаю, что и сказать. Скажу, что для меня это будет замечательный праздник. Я буду очень счастлив! Надеюсь, и ты тоже. И мы будем вспоминать прекрасных, удивительных лошадей, Таха и Мушку. Я думаю, теперь мы друзья навсегда. Жду тебя с нетерпением. С самыми теплыми чувствами, твой товарищ, друг и брат

Барьют Минга.

FB2 document info

Document ID: fb2-8315fc24-9748-cff1-e14a-6114925abf7e

Document version: 1.11

Document creation date: 2013-06-10

Created using: LibRusEc kit, Fiction Book Investigator, FB Editor v2.0 software

Document authors :

- Roxana (rusec)

Document history:

v.1.1 Roxana правка fb2, чистка

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon